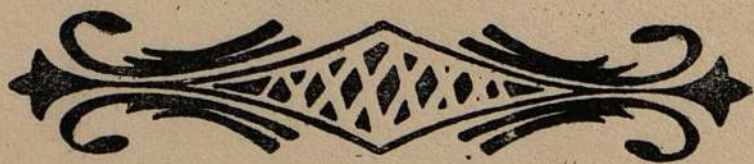

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

II

1947

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 11

Ноябрь 1947 года

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Телеграмма Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси Председателю Совета Министров СССР Генералиссимусу И. В. Сталину	3
Патриаршее послание от 7 ноября 1947 г.	4

Хроника

Перемещения, назначения архиереев	6
Патриаршее служение в Троице-Сергиевой Лавре	7

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай.</i> Радости веры	8
<i>Архимандрит Бениамин.</i> К 800-летию Москвы	12

Статьи

А. Ш. Празднование 800-летнего юбилея Москвы Русской Православной Церковью	14
С. Алфеев. Москва	21
Прот. Н. Харьязов. „Кесарево — Кесарю, и Божие — Богу“	27
А. Шаповалова. К 30-летию Советской власти	30
Проф. С. Троицкий. Ограницах распространения права власти Константинопольской патриархии на „Диаспору“	34
Георгий Александров. Черкизово	46
Никита Волнянский. Несколько замечаний о первохристианстве у южных славян	51
Д-р Варью Янош. Представители венгерского православного духовенства о своем посещении Москвы.	60

Из жизни наших епархий

Из Киевской епархии	64
Из Орловской епархии	64
Из Пинской епархии	66
Из Тамбовской епархии	67

Издатель:	Редактор:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции «Журнала Московской Патриархии» протоиерею А. П. Смирнову — Москва, 34. Чистый пер., 5. Редакция «Журнала Московской Патриархии».

13-я тип. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Денисовский, 30. Зак. 701.

Официальная часть

ТЕЛЕГРАММА

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

МОСКВА, КРЕМЛЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ

ГЕНЕРАЛИССИМУСУ

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

В знаменательный для всех нас день 30-летия новой эры в жизни нашего государства, от лица возглавляемой мною Русской Православной Церкви, шлю Вам, глубоко чтимый Иосиф Виссарионович, и возглавляемому Вами Правительству сердечное поздравление и горячие пожелания процветания и мощи нашей Родины на радость и счастье ее народов.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

7 ноября 1947 г.

ПАТРИАРШЕЕ ПОСЛАНИЕ

**БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ,
СМИРЕННЫЙ АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ**

**ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ,
БОГОЛЮБИВЫМ ПАСТЫРЯМ
И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ**

*«Вси путие Господни — милость и истина
взыскающим завета Его и свидения Его»
(Пс. 24, 10).*

Времена и лета во Своей власти положивый и Владеющий судьбами народов вселенной Господь Бог дарует нам после грозной военной бури, пронесшейся над человечеством, — годы мирного бытия, а настоящий 1947 год является, кроме благословенного года мира, еще и знаменательной годовщиной, ибо исполнилось 30 лет существования у нас на Руси нового государственного строя.

Необъятная по пространству действия и по силе напряжения работа проделана Руководителями нашего Государства за эти 30 лет среди многочисленных народностей нашего Союза, причем главной руководящей целью ее было и есть освобождение людей от порабощения, от угнетения, от власти богатства и стяжания. Всем известны эти труды Правительства нашего, и все мы являемся свидетелями того, что ни многочисленные и многообразные трудности в устройении новой, справедливой жизни для всех народов на равных основаниях в нашей стране, ни даже такое бедствие, как прошедшая мировая война, не поколебали этого великого строительства, и Отечество наше вышло из горнила испытаний еще более сильным и могущественным.

Возблагодарим Бога за Его небесную помощь во время брани и за Его благословение на мирный труд наш.

«Благо есть исповедатися Господеви, и пети Имени Твоему, Вышний, возвещати заутра милость Твою и истину Твою на всяку ночь» (Пс. 91, 2, 3).

Возблагодарим Господа и за нашу Православную Церковь, которая именно в эти годы нового строя обрела свое законное, каноническое устройство.

Возвращено Церкви то, что было отнято у нее Государством в начале XVIII века — законное ее возглавление — Патриаршество; два по-

местных Собора собирались за эти годы, причем, Собор 1945 года явился невиданным на Руси в ее церковной жизни событием, т. к. на нем вместе со всеми нашими Иерархами и Пастырями присутствовали Главы и Представители всех Церквей Востока и других автокефальных Церквей.

Отделение Церкви от Государства освободило Церковь нашу от вмешательства Государства во внутреннюю жизнь Церкви и этим дало возможность Церкви свободно действовать в свойственном ей духе по пути, указанному церковными канонами.

Духовные школы: высшие — Академии и средние — Семинарии устроятся на строго церковных, духовных началах, и вместо прежних, сословных школ, куда шли многие не по призванию, а по необходимости и принуждению, умножаются в Епархиях школы, доступ в которые открыт каждому, кто желает посвятить себя пастырскому служению.

Среди монастырей ярким светом сияют Лавры — Киевская, Троице-Сергиева и Почаевская, и среди них — особенно близкая сердцу русского человека Сергиева Лавра, привлекающая попрежнему множество молящихся и тихим светом своим согревающая притекающих за духовной помощью к многоцелебным мощам Преподобного Сергия.

Как современное общество отметило и оценило заслуги Церкви пред Родиной в период Отечественной войны, так и грядущие поколения не обойдут молчанием патриотический подвиг Православной Церкви в эту тяжкую годину. Мы все были благоговейными свидетелями этой духовной силы веры и любви к Отечеству, дивно сочетавшейся с силою непобедимого оружия нашего воинства.

Так тесно связаны между собою Церковь и Отечество.

Так дивно и неоднократно на протяжении веков против не раз восставшей на нас враждебной силы поставлена была духовная сила Церкви в помощь и подкрепление победоносных государственных сил.

С благодарением поминая эти древние и новые судьбы с упованием для грядущих времен, мы черпаем в них силу единодушия и любви, готовой на всякое самопожертвование ради блага Церкви и Родины.

Архипастыри и Пастыри, братие и сестры, чада святой Церкви! Мать-Церковь призвала вас в нынешний знаменательный день принести соборную благодарственную молитву Господу Богу, благодеещему и милующему нас. «Даяй молитву молящемуся» да отверзет сердца и уста всех нас, «да исправится молитва наша яко кадило» пред Ним и да низведет она новые благословения на наш народ.

Да процветает Страна наша под этим благословением небесным!

Да будет она и впредь стражем и глашатаем благословенного мира для всех народов!

Усилим молитвы наши о богохранимой Державе Российской и о Властях ее во главе с ее мудрым Вождем, которого Промысл Божий избрал и поставил вести наше Отечество по пути благоденствия и славы.

И да будут милости Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми нами. Аминь.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

25 Октября 1947 г.
7 Ноября

Москва.

Х Р О Н И К А

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, НАЗНАЧЕНИЯ АРХИЕРЕЕВ

Указом Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Экзарх Московской Патриархии в Америке Вениамин, Митрополит Алеутский и Северо-Американский перемещен на кафедру Митрополита Рижского и Латвийского.

Исполняющим обязанности Экзарха Московской Патриархии по Северной и Южной Америке назначен архиепископ Нью-Йоркский Макарий.

На кафедру епископа Ульяновского и Мелекесского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом перемещен епископ Ростовский и Таганрогский Серафим.

На кафедру епископа Ростовского и Таганрогского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом перемещен епископ Херсонский и Одесский Сергей.

На кафедру епископа Семипалатинского и Павлодарского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен архиепископ Палладий (бывший Калининский).

ПАТРИАРШЕЕ СЛУЖЕНИЕ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

6 и 7 октября с. г. Троице-Сергиева Лавра торжественно вспоминала день преставления преподобного Сергия Радонежского, теплого молитвенника Всероссийского.

Накануне праздника Святейший Патриарх Алексий, — настоятель Лавры, в Трапезном лаврском храме, совершил молебен с пением акафиста преподобному у его раки и затем возглавил всенощное монастырское богослужение.

За молебном и всенощной Святейшему сослужили: архиепископ Тульский Антоний, епископ Саратовский Борис, епископ Калужский Онисифор и все многочисленное лаврское духовенство.

Несмотря на ненастную погоду, под кров гостеприимной Троицкой Лавры стеклось множество усердных читателей памяти великого Сергия в чаянии его благословения и нравственного подкрепления.

7 октября в день самого праздника перед поздней Литургией Патриарх при входе в Трапезную церковь был встречен архиереями и духовенством во главе с протопресвитером Н. Ф. Колчицким и наместником Лавры, архимандритом Иоанном. О. наместник приветствовал Патриарха прочувственным словом.

После Литургии Святейший обратился к присутствующим в храме с речью, которую закончил призыванием на народ благословения преподобного от его гроба.

По окончании речи Патриарх соборно совершил молебен преподобному Сергию и затем торжественно в мантии проследовал в монастырскую трапезную, где разделил с иноками праздничную трапезу.

АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН

речи, проповеди

РАДОСТИ ВЕРЫ

Слово,

сказанное в церкви села Болшево Московской области

Сегодня, в день престольного праздника этого св. храма, после нашего торжественного богослужения, на котором мы видим много гостей из окрестных сел, чего можно вам пожелать, мои дорогие, как не радостей, радостей светлых, глубоких, сладких для сердца?

Св. Иоанн Златоуст говорил однажды своим слушателям: «Все мы стремимся к радостям, но не все умеем находить пути к ним». О, пусть вера скажет каждому из нас, какие пути ведут к радостям, пусть приведет она нас к ногам Христовым!

Все мы — грешники. Как говорит одна из наших молитв: «Посреде хожу сетей многих»; или другая: «Умножишася паче влас главы моея беззакония моя». Каждый день, каждый час наша душа загрязняется грехами. У одних из нас совесть сразу обличает согрешившего и зовет к покаянию; у других совесть дремлет и только какой-нибудь особенный случай, особый голос Божий выведет ее из этого состояния; у третьих грешная совесть спит годами и десятилетиями земной жизни человека. Но дремлет ли в нас совесть, говорит ли и обличает ли нас, — никто из нас никогда не должен забывать того, что все мы идем к неизбежной смерти, что мы предстанем перед Праведным Судией и дадим отчет в нашей земной жизни. Всякий из нас должен знать, что «блудники,... воры,... пьяницы» (1 Кор. 6, 9—10), «неправедные» (1 Кор. 6, 9), «нечистые» (Еф. 5, 5) не войдут в царство будущего века, и горе тому, чья совесть не заговорит в нем за всю его долгую жизнь. Страшной должна быть такая участь человека.

И что же, унывать нам, видящим в себе так много грязи и порока, впадать ли в отчаяние при мысли о глубине своего падения? Нет и нет. Когда блудный сын, плача о своих преступлениях против отца и против своей совести, подошел к родительскому дому, когда отец бросился на шею возвратившемуся сыну и велел устроить пир по этому случаю, — какую радостью было охвачено сердце раскаявшегося и прощенного сына! Вот такая же радость ждет каждого кающегося грешника. И не унывать надо нам, а спешить к ногам Христовым с покаянием, с просьбой о прощении и утешаться радостью этого прощения после искренней, со слезами, исповеди. Ведь Господь милует кающегося грешника не так, как мы прощаем друг друга: простив, продолжаем помнить о нанесенной нам обиде. Господь прощает навсегда и мы знаем, что прощенного им греха Он уже не вспомнит и на Своем последнем и праведном Суде.

Какую же радость дает сердцу покаяние и прощение грешника! Самый грязный, самый преступный человек, оплакав свои грехи, становится чистым, и благодать покаяния смывает с его душевной одежды всякий след греха.

Когда я желаю вам побольше радостей, то я прежде всего желаю всем вам чаще очищать свое сердце покаянием, чаще переживать радость прощения, какую дает нам Господь.

Все мы — дети своего Небесного Отца. Имея своих земных родителей, отца и мать, и живя под родительским кровом любимых нами и любящих нас отца и матери, мы не имеем большего утешения, чем видеть их ласку, беседовать с ними, быть всегда при них. Но эта радость недолговременна: умирает отец, умирает мать, и нам остается только утешаться молитвою за них и воспоминаниями.

Всякий истинный христианин, которого Небесный Отец делает Своим чадом в святом крещении, не только всю жизнь, не разлучаясь, живет с Ним, но и не прекратит этого общения с Ним в бесконечных веках. И нет большего утешения для такого чада Божия, как ощущать близость к себе Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве к Нему и утром каждого дня, и вечером перед тем, как смежить свои очи, и, особенно, в храме за нашим святым богослужением. В молитве мы раскрываем всю свою душу перед Богом; мы Его благодарим за все, что Он нам дает, мы прославляем Его благословенное имя и мы воздыхаем к Нему обо всех своих нуждах и скорбях, просим Его пренебесной помощи и любви. Присутствуя в храме Божиим за богослужением, мы своим верующим сердцем ощущаем Его присутствие среди нас, согласно Его обещанию: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20).

И какую силу имеет молитва: она вливает в нас новую духовную жизнь, утешает в скорбях, поддерживает и подкрепляет в унынии и отчаянии! Когда верующее сердце на молитве расскажет Господу обо всем, что его тревожит, мучает, беспокоит, обо всем, чего требует оно от своего Небесного Отца, и в эту молитву вложит всю свою веру в то, что Бог слышит каждый вздох нашей души, что Он Всемогущ и Любвеобилен, — о, как легко становится после такой молитвы! Какой мир и тишина водворяются в такой душе и из глубины ее хочется сказать: «Да будет во всем, Господи, воля Твоя». Как сладка такая молитва! Она, по слову св. Иоанна Лествичника, «слаще меда».

Приучите же себя к непрерывной ежедневной утренней и вечерней молитве дома и никогда не упускайте радости быть в храме Божиим в праздники.

Когда я желаю вам побольше радостей, я желаю вам и радостей в минуты молитвы.

Всех нас Господь научил любить друг друга. Он требует от нас исполнения этой наибольшей заповеди Своего закона. Св. апостол Павел говорит: «Мы созданы на добрые дела» (Еф. 2, 10). Значит дела любви — это наша священная обязанность, это долг жизни каждого христианина, для этого нам и дана земная жизнь. Когда мы сделаем какое-нибудь доброе дело: например, поделимся с нищим и голодным или навестим тяжело больного, — мы переживаем чувство глубокого душевного удовлетворения, нам становится тепло и радостно на сердце. И это не только потому, что мы тем самым исполняем свой священный долг, исполняем волю Божию, но и потому, что та радость, которую мы доставляем нашему ближнему, делая доброе дело, как бы возвращается к нам самим: мы ею заражаемся сами. И наверное такое чувство испытал не раз каждый из вас, делая доброе дело. Пусть это дело будет даже самым маленьким: вы увидите сиротку, потерявшего отца и мать, подойдете к нему поласкать его, и ребенок посмотрит на вас своими чи-

стыми детскими глазами; вы узнаете, что умер кто-нибудь одинокий, за которого некому помолиться и некому постоять около его гроба, и вы помолитесь о его душе, даже, может быть, не зная его при жизни; раздражился ли кто-нибудь против вас и изливает свой гнев, а вы, ничем не отвечая ему, в глубине души просите у Господа простить его и смягчить его гнев, — любое доброе дело оставляет в нашем сердце глубокую борозду радости и утешения. Это — святое чувство радости. Св. апостол Павел передает нам слова Господа Иисуса Христа: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 21, 35).

И я желаю вам побольше дел любви и вместе с ними тех радостей, какими наполняется сердце любящего своего ближнего. Делами любви мы украсим свою жизнь, мы оденем свою душу в ту одежду, в которой она будет достойной небесного пира в Доме своего Отца.

Все вы знаете имена ветхозаветных патриархов: Авраама, Ноя. Им было открыто Господом о грядущем Спасителе мира и они жили верою в Него. Вы знаете имена пророка Исаии, псалмопевца Давида и знаете, что Духом Святым их духовным очам было дано видеть и крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа, и те мучения, какие будут предшествовать распятию Спасителя. Но могли ли и Авраам, и Ной, и Исаия, и Давид предвидеть все то, что даст людям грядущий Спаситель мира, распинаемый на кресте? Носили ли они предчувствие всего того счастья, какое будет дано людям распятым и воскресшим Господом? Им этого не дано было предчувствовать.

Спаситель оставил в Своей Церкви нам, грешным, величайший залог Своего общения с нами, знамение Своей бесконечной любви к людям и Своего безмерного снисхождения: Он дает нам счастье вкушать Его Божественное Тело и Пречистую Кровь. Со страхом, верою и любовью причащаясь Святых Таин, мы не только духом, но и телом соединяемся со своим Господом, согласно Его слову: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ио. 6, 56).

Не только ветхозаветные праведники, но и ангелы, бесплотные и чистые духи, не знали об этом грядущем проявлении любви Божией, пока Господь не оставил на земле этого счастья людям. И каждое верующее сердце, приступая к Святой Чаше после искреннего и слезного покаяния, прощенное Богом, переживает после причастия Святых Таин состояние, которое трудно отобразить в словах: умиление, восторг, благоговение, подъем горячей любви к своему Спасителю. Нам не раз приходится слышать, как верующие люди, переживая такое состояние у Святой Чаши, говорят: сейчас я и умереть готов бы. Для верующего сердца так радостно это общение с Господом, что не хотелось бы его больше прерывать и разрушать житейской суетой и новой греховной грязью.

Мы знаем, как пророк Давид в одном из своих псалмов пророчествовал о Божией Матери, созерцая Ее Царственной Женой. Он видел Ее славу, Ее величие, восклицая в своем псалме: «Предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одяна, преиспещрена» (Пс. 44, 10). Ему было дано предвидеть духовную красоту и славу Божией Матери, но и он не знал, что Та, славу Которой он изображает, будет Небесной Матерью всего верующего человечества. Она стала ею. Ее материнский покров простерт над всей Церковью Христовой и над каждым из нас в отдельности. Каждый из нас, верующих, хорошо знает, что этот покров Божией Матери является неиссякаемым источником бесчисленных проявлений Ее любви и заботы о нас. Ведь Она верующими сердцами названа: Радостью всех скорбящих, Утолением в печалих и болезнях, Взысканием погибших. Когда мы в своих нуждах идем к Ней и обращаемся к Ней со своими молитвами, мы и ищем этих радостей, этих утешений. Каждая Ее чудотворная икона — это живая летопись Ее чудесных знаменений.

Желаю же вам побольше радостей и от Божией Матери!

Источником всех тех радостей, которые я хочу сейчас вам пожелать, является наша вера — та вера праотеческая, прадедовская, православная наша вера, которой жили и утешались наши предки. Она давала им, дает нам и будет давать и нашим потомкам радость покаяния, радость молитвы, радость добрых дел, радость причащения, радость иметь Небесную Мать — все то, что составляет счастье верующего человека, все то, что дает верующему человеку силу переносить любые жизненные испытания и что вдохновляет его на труды ради спасения своей души.

О, пусть эта вера и в нас самих укрепляется и умножается, и пусть она загорается в сердцах наших детей!

Кто носит в себе полноту счастья, тот не может не желать такого же счастья другому. И мы призываем благословение Божие и на тех, кто еще не носит в себе этого счастья: да станут и они причастниками его!

Пусть святыми радостями нашей веры будет насыщен путь земной жизни каждого из нас!

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

К 800-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

(Речь в Троице-Сергиевой Лавре)

«Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный» (Пс. 117, 24).

Так псалмопевец некогда призывал свой народ ликовать в дни религиозно-общественных торжеств.

В радостном, светлом настроении встречаем и мы, дорогие братья и сестры, наш народный праздник 800-летия Москвы, вспоминая ныне ряд незабвенных моментов прошлой истории нашей столицы. Живое участие в общественном религиозно-национальном ликовании да отразится и на нас вместе с миллионами советских граждан, разделяющих этот праздник, в сознании гражданского единства, с глубокой преданностью общественному долгу и горячей молитвой за Родину. В эти минуты возможно ярче уясним себе величие и значение торжественного юбилея Москвы.

Москва — сердце нашей страны. Она — современный правительственный и церковный центр. К великой столице нашей чутко прислушиваются народы целого мира. Она — город великих героев нашей эпохи.

Сегодня в общественных учреждениях всей нашей страны многогранные речи всесторонне осветят прошлое и настоящее Москвы, изобразят его научно-политически, исторически и литературно. А мы в местном храме расширим и укрепим собственные патриотические чувства воспоминанием ряда церковных патриотов, послуживших возвышению нашей древней столицы.

Исторические дали, прежде всего, представляют Москву нашему мысленному взору в год основания ее князем Юрием Долгоруким. Тогда она еще маленький деревянный городок, обнесенный дубовым тыном. Разрастание ее и объединение ближайших русских земель под знаменем Московского княжества начинается собственно при сыне св. князя Даниила Александровича — Иоанне Данииловиче Калите. Калита любил прикупать окрестные города и земли, вроде Костромы, Углича, Галича и других. В названных стремлениях ангелом-советником Калиты был св. Петр, Митрополит Московский. Прозорливо благословляя присоединение к Москве прилегающих земель, св. Петр одновременно возвысил этот город до значения всероссийской митрополичьей резиденции своим окончательным переселением сюда на жительство из г. Владимира. После того тяга к Москве широких масс русского населения весьма усилилась.

Вспомним, далее, тот период истории Московского княжения, который в последних курсах истории СССР называется «Правлением» Московского Митрополита Алексия. За малолетством Димитрия Донского св. Алексей был его опекуном, воспитателем, а позднее, в период его самостоятельного княжения, помогал ему укрупнять значение своего стольного города. В это же самое время подвизался в Троицкой обители

преп. Сергей Радонежский. Преподобный Сергей, с своей стороны, силой личного благодатного влияния поддерживал Димитрия Донского в его гражданских мероприятиях, примирял с ним враждовавших на него удельных князей и весьма своевременно ободрял его пред Куликовской битвой предсказанием победы над татарами. По кончине преподобного, вслед за Троице-Сергиевой обителью, церковно-политическому авторитету Москвы подчинялись уже 90 монастырей, основанных Сергиевыми учениками, а за монастырями шло в том же направлении окрестное мирское население.

Из пламенных поборников интересов Москвы в XVII веке нельзя не отметить Патриарха Московского Ермогена. Его письменные воззвания подняли на защиту Москвы от поляков русские народные добровольческие дружины, руководимые князем Пожарским и Козьмой Мининым. Одновременно с Патриархом Ермогеном Троицкий архимандрит св. Дионисий и келарь Авраамий Палицын хлебными запасами Сергиевой Лавры спасали московских жителей от голодной смерти.

В нашу эпоху еще более знаменито выступление на защиту Москвы и Отечества от угроз фашистского нашествия Святейшего Патриарха Сергия. Приснопамятны его речи, послания и частные беседы с верующими церквей. Они полны были горячей веры в помощь нам Бога и нашу победу над врагами. Патриарх Сергей призывал всех граждан ничего не жалеть: ни материальных средств, ни сил, ни жизни для обезопасения Отечества и национальных и религиозных святынь от поругания германскими фашистами.

Подобные же волны патриотических чувств не переставал поднимать в нашем населении за годы Великой Отечественной войны ныне здравствующий Патриарх Алексий. Он учил русских граждан в сознании небесного покрова Божией Матери над нашей землей и молитв святых непоколебимо держаться на фронте против врагов до полной победы.

Дорогие братья и сестры! Участие нашего православного святительства в созидании славной истории Москвы — неумиряющая гражданская добродетель и воздание должного Родине и выразительный образец отношения ко всему отечественному для всех нас.

Как и нам не любить Москвы и Родины со всей беззаветностью искренних чувств! Здесь глаза наши впервые открылись на Божий свет. Здесь мы научились говорить на своем языке. Здесь родились, учились, воспитались. С землей отцов нам дорого все народное, русское: склад русской души, национальная история, научно-литературное наследство и народные герои, начиная от древних и кончая новейшими Матросовыми, Сосновскими, Зоей Космодемьянской, Чайкиной и многими другими.

Любить Москву — это то же, что любить свое Отечество, свое гражданское общество, уважать авторитет власти и политически понимать действительность. Что касается забот нашего Правительства о Москве, об этом без слов говорит состояние в нашей столице самых разнообразных путей сообщения: речных, подземных и воздушных, реконструкция города и воспитание как в москвичах, так и в населении всего нашего Отечества трудовых навыков, скромности и бескорыстия.

Поскольку все земное стоит и утверждается Богом, то вознесем сейчас горячую молитву к Господу о том, да цветет и развивается наша великая Родина все больше и больше, да будет незыблем в ней мир и в неуявляемом венце героической славы да красуется Москва во веки веков. Аминь.

АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН

С т а т ь и

ПРАЗДНОВАНИЕ 800-летнего ЮБИЛЕЯ МОСКВЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Празднование 800-летнего юбилея Москвы Русская Православная Церковь приурочила ко дню Московских Святителей 18-го, по старому стилю 5-го, октября.

Еще при царе Феодоре Иоанновиче, в 1596 г., была торжественно увековечена память Московских Святителей, много потрудившихся для утверждения Русской Православной Церкви и укрепления Московского государства, ныне превратившегося в величайшую мировую державу.

В те далекие времена наша Церковь была как бы очагом, к которому стремились все истинно русское, где, как в доме матери, стихали распри и ссоры, где, как отцу, подчинялись непокорные, просветленные светом единоверия. В 1589 г. Русская Православная Церковь завершила оформление своей автокефалии и впервые возглавилась Патриархом. Это было величайшим событием для страны. Большое значение придавалось первым Патриархом Иовом и царем Феодором Иоанновичем установлению дня Московских Святителей. Это было как бы ответом западникам: в этом же, 1596 г., состоялся в Бресте Собор, на котором принята была уния, породившая для православных христиан в дальнейшем много бедствий и обид, чинимых правителями Ватикана.

День Московских Святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена — день воспоминания и прославления деяний этих великих мужей. Святая их жизнь и плодотворная патриотическая деятельность сквозь века светит нам идеалом служения Родине.

Все православные храмы земли Российской отмечали этот праздник торжественными богослужениями и молитвами о благосостоянии любимой Столицы. Во всех храмах зачитывалось Патриаршее послание по случаю церковного празднования 800-летия Москвы.

Радостными и прочувственными были службы в Патриаршем кафедральном Богоявленском соборе. Здесь 800-летие Столицы ознаменовалось значительным для Русской Православной Церкви событием — перенесением мощей Святителя Алексия из Кремлевского Успенского собора. Отныне Богоявленский собор — не только первопрестольный храм Русской Православной Церкви, но и хранилище драгоценных останков Святителя Алексия, кто есть «светило Российской земли и граду Москве стена нерушима...».

Празднование 800-летия Москвы началось всенощной в пятницу 17/X, накануне дня Московских Святителей.

В Патриаршем соборе совсем недавно закончился реставрационный ремонт. Настоятель собора о. протопресвитер Николай Федорович Колчицкий вложил в это дело много внимания, заботы и средств, обеспечив

проведение работ консультацией высоких специалистов. И ныне храм поражает своей роскошью и величием, сверкая золотом колонн и иконостаса, яркими красками росписи, белизной и пурпуром патриаршей кафедры. Хоры перенесены наверх.

Это именно оттуда разлилось по храму торжественное «От Восток солнца до запад хвалите имя Господне...» при приезде Святейшего Патриарха.

О. настоятель Н. Ф. Колчицкий приветствовал у входа Патриарха Алексия небольшой речью, в которой он особенно подчеркнул плодотворную деятельность Святейшего, его неустанную заботу о процветании храмов Божиих и православных обителей и монастырей, об удовлетворении насущной потребности верующих в поклонении святыням, о благочестии духовенства и монашествующих.

Многочисленное московское духовенство, в праздничных ризах и митрах, вышедшее к дверям вместе с о. настоятелем встречать Патриарха, возвращается со Святейшим в алтарь.

Так начинается всеобщая, в которой к обычному течению богослужения прибавляется поэтическое прославление Московских Святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, кои «апостолам равно про-светители есть», «похвала земли Российской и всему священству украшение».

Патриарху сослужат: архиепископ Харьковский и Богодуховский Стефан, архиепископ Дмитровский Виталий, епископ Рязанский и Касимовский Иероним и епископ Ивановский и Кинешемский Паисий.

Наступает самый сокровенный момент этой всеобщей. Во время полиелея, при пении «Хвалите имя Господне», Патриарх, вместе с сослужащими ему архиереями, обносит вокруг престола мощи Святителя Алексия, прежде чем навсегда упокоить их в приготовленной гробнице. Мягкий и яркий свет разливается в алтаре, хоры вверх, переливаясь и перемежаясь, наполняют звуками весь храм, прославляя Господа, молящиеся в благоговейном и умиротворяющем экстазе всем своим существом чувствуют торжественность момента. Вот подняли крышку гробницы о. протопресвитер Николай Колчицкий и о. протоиерей Александр Смирнов — первостепеннейшие люди среди русского священства. Патриарх опустил дорогую святыню в гробницу. Гробницу закрыли крышкой. Без малого шестьсот лет покоились останки Святителя в Чудовом монастыре. Да будет нескончаемым пребывание их в Московском Патриаршем кафедральном соборе!

Так совершилось перенесение мощей Святителя Алексия в третий раз. Первый раз это произошло при великом князе Иоанне Васильевиче и Митрополите Геронтии. Второе торжественное перенесение честных мощей совершилось 20 мая 1686 г., при царях Иоанне и Петре Алексеевичах и Патриархе Всероссийском Иоакиме. Сами цари, Иоанн и Петр, с ближайшими сановниками несли раку со св. мощами на себе. И ныне этим событием отмечено 800-летие Москвы.

Первым к святыне прикладывается Патриарх Алексий, за ним архиереи по старшинству, духовенство, сослужащее и присутствующее, затем идет народ.

И до глубокой ночи, когда уже совсем стихает городской шум и прекращается движение столичного транспорта, подходят к раке Святителя Алексия верующие москвичи, обрадованные возможностью поклониться и приложиться к почитаемой святыне.

18 октября, в день памяти Московских Святителей, в Патриаршем кафедральном соборе совершены были две Литургии, ранняя и поздняя.

Позднюю Литургию совершал Патриарх Московский и всея Руси Алексий.

Как обычно, торжественно встреченный духовенством он проследовал к раке Святителя Алексия.

В храме тишина, хотя он полон тысячами молящихся. Склоняет Святейший Патриарх свою голову перед святыми останками жившего шесть-сот лет назад русского человека, чье «велие духа мужество и любовь к Отечеству» создали ему вечную церковную память. Губы Святейшего Патриарха шепчут молитву, в слова которой он вложил мысль свою о духовной поддержке, о вразумлении на свое трудное поприще Первоиерарха Русской Православной Церкви. В далеком примере благочестивой и мудрой жизни Московского Святителя Алексия, жившего в XIV веке, на заре просветления Православием наших предков, ищет Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей руководства в деятельности на ниве Православия в XX веке. Проходят столетия, растет диапазон науки и искусства, изменяется экономика, но незыблемыми остаются высокие моральные качества человека — вера, ум, любовь, самоотверженность, бескорыстие, чистота духовная и телесная. Именно об этом возносятся мечты молящегося к своему горнему покровителю, чье имя он носит.

Вместе с Патриархом Алексием молятся архипастыри, пастыри и все мы, пришедшие в храм москвичи, в этот знаменательный день церковного чествования 800-летнего юбилея нашей Столицы.

Литургия начинается, как обычно, с торжественного облачения Патриарха. К архиереям, сослужившим ему за вчерашней всенощной, прибавился еще епископ Казанский и Татарский Гермоген. Так же многочисленно и нарядно, как вчера, московское духовенство.

Снова «в песнях и пениях радующеся» прославляются Московские Святители Петр, Алексей, Иона, Филипп и Ермоген. В тропарях и стихирах, посвященных их памяти, воспеваются их заслуги перед Родиной, их труды на благо Отечества, их участие в создании «града Москвы». И все богослужение вместе есть общая молитва о ниспослании Москве благоденствия, мира и дальнейшего процветания.

В определенный час совершаются поздние Литургии во всех православных храмах обширной нашей страны и в определенный момент зачитывается Патриаршее послание по случаю церковного празднования 800-летия Москвы. Так в единомыслии собирает Церковь всех своих чад и творит великое дело любви и братства.

В Богоявленском Патриаршем соборе Патриаршее послание зачитывает о. протопресвитер, настоятель собора, Николай Федорович Колчицкий.

Внимательно вслушиваясь в разносящиеся по храму четкие слова, в короткие и ясные определения исторической роли великого города и его значения для нашего Отечества, мысленно представляешь те многие и многие поколения москвичей, проходивших сквозь горнило войн и бедствий политических интриг и вновь, и вновь возникающего напора иноземцев, представляешь эти поколения москвичей, разумных, стойких, терпеливых и гордых, которые неизменно расчищали Родине широкуй путь в будущее. Сохранились их имена или забыты, за всех за них молится наша церковь. И неизменно она провозглашает «мир всем». Поэтому такой убедительностью звучат слова Патриаршего послания, в которых он говорит: «И, будучи мощным центром государственной и церковной жизни нашей Родины, Москва в то же время является надежной опорой для всех миролюбивых народов, которые видят в ней зоркого стража мира и грозного обличителя безумных стремлений нарушить мир и разжечь пламень новой войны».

По окончании Литургии сам Святейший Патриарх произнес перед народом слово, посвященное Московским Святителям, в котором отметил заслуги каждого из них перед Русской Церковью и Отечеством. Митрополит Петр пророчески возвестил величие и славу Москве. Здесь он

утвердил престол Первосвятителя Российского. По его завету был воздвигнут храм Пресвятой Богородице в Кремле, который стал действительно сердцем России, благодаря тому, что все воссоединялись около этой святыни. Святитель Алексий своей святостью покорил татарского хана. Исцелил царицу Тайдулу и тем избавил Московское государство от многих напастей. Святитель Иона ознаменовал свое святительство тем, что освободил Русскую Церковь от подчинения Константинопольскому Патриарху, сделав ее автокефальной. Митрополит Филипп знаменит своей ревностью о славе Божией и безбоязненным обличением жестокостей Иоанна Грозного. Патриарх Ермоген — защитник Православия, строгий подвижник, горячий патриот. Его призывы поднимали народные силы в смутное время. Теперь эти великие Святители, как лампада, горят перед престолом и освещают нам жизненный путь.

Далее Патриарх говорит о Святителе Алексии, который «сияет нам тихим светом», и «великая вера и разум» которого в течение долгих лет были источником мудрого правления московских князей.

Теперь он пришел в этот храм вечным и благоуханным светочем. Присутствие его в этом храме будет и нас окрылять, будет и нас заставлять подражать его смирению и разумию. Будем, братие и сестры, укрепляться в небесной помощи нам и Отечеству нашему. Будем постоянно помнить, какую святыню мы здесь имеем, — заканчивает Патриарх свое слово.

Молебное пение в ознаменование 800-летия Москвы включает молитву, написанную в прошлом столетии Митрополитом Филаретом по поводу семисотлетия Москвы и ныне незначительно измененную Святейшим Патриархом Алексием в соответствии с еще одним протекшим веком. Молитва эта читается сегодня во всех московских храмах. Здесь в Богоявленском соборе ее читает сам Патриарх.

После молебна, пропетого всем московских духовенством, храм оглашают многолетия «Державе Российской, Вождю ея и Влаstem», «Святейшему Патриарху Алексию» и «осьмсот лет сохраняемому и возвращаемому великому Граду Москве».

На другой день, в воскресенье, во время Литургии состоялась служба Святителю Алексию. Патриарху сослужил Паисий, епископ Ивановский и Кинешемский. После обедни у раки Святителя Алексия был совершен Патриархом первый молебен. Отныне у святых мощей молебны будут совершаться все время.

В субботу за всенощным бдением было прочитано житие Святителя Алексия.

Вчитываясь внимательно в жизнеописание «иже во святых отца нашего Алексия, Митрополита Московского и всея России Чудотворца» начинаешь понимать, какой значительный отрезок нашей истории был освящен его просветленным умом и сколь далеко направил он своею властью политику внутреннего и внешнего становления России и возвеличение Москвы. Не желая здесь повторять «Жития Святителя Алексия», краткое изложение которого прекрасно составлено Святейшим Патриархом Алексием в память 800-летия Москвы, напомним ряд фактов биографии Московского Митрополита XIV века, которые позволят не только верующим, но и всем истинным патриотам склонить голову перед останками этого великого русского гражданина.

Отец его был переселенцем из Чернигова, подвергшегося разорению от нашествия татар; благосклонно принятый Московским князем Даниилом Александровичем, им же был вскоре назначен градоправителем Москвы. Здесь, в Москве, и родился будущий Святитель. «И наречеса имя его во святом крещении Елевферий; его же от святые купели восприемник бысть князь Иоанн Данилович Калита, не еще тогда сущ

князь Московский», — пишет один из старейших составителей жития прославленного церковного деятеля.

У мальчика оказались большие способности к учению, которое, как известно, тогда начиналось со священных книг. В пятнадцатилетнем возрасте он захотел принять монашество и таким образом навсегда закрыть себе путь к светской жизни. В Богоявленском монастыре, «иже, на Москве за торжищем» юноша продолжает свое образование и здесь же постригается под именем Алексия. Его наставниками в течение двадцати лет оставались старец Геронтий, отличавшийся большой строгостью в духовной жизни, и Стефан, брат преп. Сергия Радонежского.

В то время Московским Митрополитом был Феогност, родом грек. Он взял Алексия к себе в помощники «судити церковные суды». В этой должности Алексей остается двадцать лет и три месяца. «Требствует же сие привоспомянуги, — пишет составитель жития, — яко научися святыи Алексий (или прежде монашества или уже монах сый) еллинскому диалекту, и знаше и писания греческая и читати». Известно также, что Святитель Алексей был первым исправителем славянского текста книг Священного писания и позднейшие исправители их, даже в XVII веке, пользовались его переводом. Все это свидетельствует о высокой образованности Алексия. Очевидно, это его качество, в совокупности с духовной чистотой, и добродетель, наводят на мысль Митрополита Феогноста еще при его жизни назначить Алексия своим преемником.

Двадцать четыре года побыл Святитель Алексей на престоле Всероссийского Митрополита. Трудные были тогда времена для нашей страны. Наряду с междоусобицами и постоянным соперничеством феодальных князей, владычеством татар и литовской экспансией, не было единомыслия и в самом управлении Церковью. Борьба шла за киевскую митрополию. По традиции оттуда простиралась власть духовного руководителя на всю Россию. И в этой борьбе принимали участие не только москвичи и галичане, тверяки и владимирцы, нижегородцы и воляняне, но и в Литве, Византии, ханской Орде интриговали, подкупали, политиковали власть имущие, рассчитывая урвать себе лакомый кусок — в зависимости от того, где будет резиденция Всероссийского Митрополита. Митрополит Алексей без колебаний поселился в Москве и отсюда твердо и решительно, ни разу не свернув с намеченного пути, утверждал становление Московского государства.

Три Московских князя сменилось в период святительства Алексия. Но политика Москвы оставалась неизменной. Таким образом все больше и больше укреплялся авторитет Москвы. Если при Симеоне и Иоанне можно было считать Святителя Алексия советчиком, то при юном Дмитрии, впоследствии названном Донским, Митрополит Алексей правил единовластно. «Если присмотреться внимательно к деятельности князя Дмитрия Ивановича, то нельзя не отметить больших успехов его в области внутренней и внешней политики. Между тем Дмитрий Иванович остался после смерти отца мальчиком. Нетрудно видеть настоящего регента Московского государства в лице Митрополита Алексия», — пишет крупнейший современный историк.

Но не только этим определялись заслуги Алексия перед Отечеством. Он воспитал Дмитрия Донского таким, каким знает его история. Дмитрий Донской — это благороднейшая страница нашего прошлого. И тот, кто преклоняется перед грандиозным подвигом Дмитрия Донского, перед светлым его обликом, не откажется отдать должное почтение его духовному отцу.

Сложная и трудная жизнь была у Святителя Алексия. Почести, которые воздавались ему и князем, и народом, и в Орде, и в Константинополе накладывали на него опромную ответственность. Со смирением принимал он эти почести, как обязанность к совершенству и непогрешимости.

Всякому делу он предпосылал горячую молитву к Господу. И всякое дело ему удавалось: исцелил он татарскую царицу Тайдулу, которая «блже три лета слепа, к сему и демонствуема», словом своим мудрым укротил хана Бердибека, «покушашеся итти воевати российское христианство», совершал благополучно трудные тогда поездки в Константинополь и всегда возвращался оттуда с благими вестями. Неоднократно ездил он во Владимир, в Киев, в Тверь, в Нижний Новгород, всюду просвещая и уча. И нигде в его жизнеописаниях нельзя найти даже намека на то, что Святитель Алексий заботился о своей личной выгоде, о своем личном благополучии. Вся его жизнь была отдана Церкви и Отчизне, заботе о благе родного народа. Умирая, он завещал великому князю Дмитрию: «се аз отхожу от жития сего: тебе же, и сыном твоим, и всему роду твоему оставляю мир и благословение...».

Заботами и иждивением Святителя Алексия были созданы прекрасные монастыри: Спасо-Андрониковский, близ Москвы, на Яузе, в Нижнем Новгороде, во Владимире; в Москве устроена женская обитель во имя Алексия, человека Божия. Но больше всего он потрудился для создания Чудова монастыря, получившего это название от первого храма, построенного Святителем во имя «Чуда святого Архистратига Михаила в Колосаех» в память чудесного исцеления Тайдулы, на подаренной ею в благодарность земле. В Чудовом монастыре он собрал цвет монашества из многих обителей, снабдил его книгами и позаботился о его благосостоянии. Сюда за советами обращались и светские и духовные лица. Восточные епископы и иноки, приходившие в Москву за помощью, находили в этом монастыре радушный прием и богатую милостыню.

Таковую создал себе усыпальницу Святитель Алексий — он завещал похоронить себя именно в этом монастыре.

В знаменательную дату 800-летия Москвы святые останки его перенесены в Московский Патриарший кафедральный собор. Тем самым как бы и духовное наследие Святителя перешло в этот храм. Поэтому хочется сказать несколько слов о возникновении Богоявленского Патриаршего собора.

Первые сведения о нем относятся к 7202 (1694) году. В Патриаршем приказе записано:

«...202 г. августа 24, по указу св. Патриарха велено новостроенные церкви Богоявления Господня, что в селе Елохове...».¹

В 1717 г. упоминается «дворцового села Покровского, в Богоявленской слободе, что в Елохове, церковь каменная во имя Богоявления Господня да придел Благовещения Пр. Богородицы...».

И далее в «Исторических известиях о всех церквах столичного г. Москвы» издания 1796 г. рассказывается следующее:

«Богоявления Господня церковь, что в Елохове, была до 1722 году деревянная, а в оном начата строиться каменная, когда полковник Иван Воронецкий выпросил у государя Петра Первого на основании оной белого камня и буту 25 сажен, да и впредь от имени своего обещал дать на 20.000 кирпичу, по том она и совершена Великою княжною Параскевой Иоанной в 7239 (1731) году и освящена по благословию Святейшего Правительствующего Синода Преосвященным Леонтием, архиепископом Сарским и Подонским в том же году июля в 4 день».

В дальнейших, более поздних источниках, почти дословно повторяются эти сведения.

Эти, чрезвычайно скудные данные, с несомненностью вызвали только один вопрос: почему княжна Параскева Иоанновна строила храм Богоявления в Елохове?

¹ Забелин И. Е. Материалы для истории археологов и статистики г. Москвы — стр. 779. —

Княжна Параскева Иоанновна была дочерью брата Петра Первого Иоанна Алексеевича. Мать ее также носила имя Прасковья. Родилась княжна в 1694 г., то есть в тот год, под которым в Патриарших приказах записана новостроенная церковь Богоявления Господня в селе Елохове. В житии св. великомученицы Параскевы сказано: «наречена своими родителями Параскева, что значит на греческом языке Пятница, потому, что родилась в пятницу». Чин великого Богоявленского водоосвящения приходился в 1694 г. на пятницу. Если допустить, что княжна Параскева родилась в эту пятницу, то понятны будут ее заботы о храме, воздвигнутом в честь ее рождения.

В дальнейшем храм много раз перестраивался и пристраивался, так, например, колокольня и трапезная были построены в 1837 г. Но тем не менее ансамбль его сохранил стиль и по своим архитектурным достоинствам он заслуживает большого внимания.

Не приходится и говорить о его духовном значении, особенно с тех пор, как он стал Патриаршим кафедральным собором. Как некогда по замыслу Святителя Алексия, Чудов монастырь должен был стать образцом и примером благолепного церковного служения, так теперь со всех концов земли Российской стекаются сюда верующие, равно как и православное духовенство с Востока и Запада, чтобы насладиться поистине божественными, волнующими лучшими чувства, вдохновенными Патриаршими богослужениями в Богоявленском соборе.

Отныне в нем каждое воскресенье вечером будет читаться акафист Святителю Алексию. В первый раз его читал Святейший Патриарх Алексий в воскресенье 19 октября, после вечерни, на другой день церковного празднования 800-летия Москвы.

В храме полумрак. Гробница Святителя Алексия, временно помещенная на амвоне, перед открытыми царскими вратами алтаря, напротив патриаршей кафедры. Рядом с Патриархом, на возвышении, стоит Паисий, епископ Ивановский и Кинешемский. По сторонам — священники. Молящиеся сосредоточились вокруг в благоговейном молчании.

Начинает читать акафист Патриарх. Слова глубоко поэтичны, услада понимающему их слуху, проникнуты красотой жизнеутверждения и радости.

После Патриарха читает епископ Паисий, потом о. протопресвитер Николай Федорович Колчицкий, и дальше по старшинству каждый священник прочитывает последующий икос и кондак. Все читают прекрасно, проникновенно и прочувствованно. Уловив ритм акафиста, воспринимаешь его, как стихи. И по-новому понимаешь смысл.

«Слыша и видя премногую Твою добродетель, пастырем Тя Церкве Христовы избирает сословие православное, мы же о сем веселящиеся глаголем Ти: Радуйся, достойно возседый на седалище апостольском, радуйся, кормило корабля Христова: радуйся, мудрый наставниче...».

«Благодать, яже бысть Иисус Христом, Твоими пречистыми усты царствующему граду сему всегда быть проповедана...».

Заканчивает акафист снова сам Патриарх. И все присутствующие в храме вместе с ним мысленно повторяют:

«...Отечеству же нашему мир и благоденствие, да сподобится вечно в радости блаженней воспевати Богу: Аллилуя».

Так совершилось церковное празднование 800-летия Москвы в Патриаршем кафедральном Богоявленском соборе.

А. Ш.

МОСКВА

7 сентября весь Советский Союз праздновал 800-летний юбилей своей Столицы — Москвы. Этот праздник был днем торжества всей страны. И. В. Сталин в своем приветствии справедливо отметил, что Советский Союз празднует этот день не формально, а с чувством любви и уважения, ввиду великих заслуг Москвы перед Родиной, из которых важнейшими являются: троекратное освобождение Отечества от иноземного ига, — монгольского, польско-литовского и французского и блестящая победа над подступавшим к Москве дерзким врагом во Вторую Великую Отечественную войну.

Великая честь стать освободительницей всей земли русской выпала на долю Москвы не случайно.

Заложенный на Москве-реке, на территории владений боярина Кучки, город, оказавшийся на перекрестке торгового сообщения между западом и востоком, югом и севером, очень скоро после своего возникновения стал разрастаться и приобретать все более важное значение и в жизни и в развитии России. История Москвы начинается собственно со времени князя Даниила Александровича, который присоединил к дотоле небольшой Московский области Переяславль, — плотно населенный удел с главным городом Дмитровым. Но особенно заметно стало расти торговое и политическое значение Москвы при его сыне Иване Калите. Под влиянием все более распространявшейся в народе уверенности во власти Московского князя даже удельные князья, сохранившие независимость, приходили к сознанию о старшинстве Московского княжества. С своей стороны Церковь, нуждаясь в покровительстве светской власти и найдя его в Москве, дала решительный перевес Москве перед всеми другими княжествами.

Огромная заслуга в деле возвеличения Москвы принадлежит Святителю Петру, ставшему позднее Митрополитом всея Руси. Ведя с 12 лет подвижническую жизнь в одном из пустынных монастырей на Волыни, и пройдя все степени иноческих подвигов, он удалился в еще более уединенное место в Галиции и основал там монастырь. Когда бывший в то время Киевский и всея Руси Митрополит Максим при объезде своей митрополии посетил и Волынь, Петр со своей братией встретил его для принятия благословения и поднес Митрополиту писанный им самим образ Богоматери, перед которым Митрополит Максим молился до конца своей жизни. Образ этот был впоследствии помещен во Владимирском кафедральном соборе. По смерти Митрополита Максима Петру было предложено ехать к Патриарху для получения сана Митрополита. После долгих уговоров Петр, наконец, согласился и был посвящен в Константинополе в Митрополиты всея Руси. Вернувшись на родину, Святитель поселился сначала в Киеве, а затем переехал во Владимир. Здесь он с большим рвением занялся устройством и нуждами Церкви и в то же время являлся примирителем князей в их постоянных ссорах и распрях между собой. Но вско-

ре взоры мудрого Митрополита обратились к Москве. Предвидя в этом все более укрепляющемся городе зачатки будущего государства, он решил переселиться в Москву и перенести туда свою митрополию. Свой митрополичий двор Святитель основал при церкви Рождества Иоанна Предтечи под бором, и с тех пор эта церковь называлась митрополичьею или кафедральною вплоть до построения Успенского собора.

Вся деятельность Святителя Петра с этих пор была направлена к тому, чтобы способствовать проведению в жизнь великой цели собирания разрозненных русских земель.

В качестве ближайшего советника и друга Московских князей Юрия и Ивана Даниловичей он помогает им своими мудрыми советами, своим благотворным влиянием, не переставая в то же время заботиться о процветании Церкви.

Таким образом, все более укрепляясь со стороны гражданской и церковной власти, Москва становится как политическим, так и религиозным центром княжеской Руси.

В 1328 г. Москва уже официально сделалась великокняжеским городом. Великому ревнителю ее возвышения, Митрополиту Петру, не суждено было увидеть это торжество: он скончался в 1326 г., но его предсмертные слова оказались пророческими.

Завещая Ивану Даниловичу построить в Москве храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, Святитель говорил: «Если ты слушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься более иных князей с родом твоим, и град твой будет славен между всеми городами русскими, и святители поживут в нем, и кости мои здесь положены будут». Иван Данилович исполнил завещание с. Петра. Собор Успения был окончен через 7 месяцев после смерти Митрополита и освящен в 1327 г. Кроме этого храма, при князе Иване Даниловиче было выстроено еще несколько церквей, в числе которых следует упомянуть каменную церковь Спаса Преображения (ныне Спаса на бору).

Москва к тому времени значительно обстроилась. Вырастали новые дома, Кремль был обнесен дубовыми стенами, за городом возникали посады, слободы, заселенные ремесленниками.

Такое важное событие для прославления Православной Церкви, как учреждение преп. Сергием Троице-Сергиевой Лавры (при сыне Ивана Калиты Симеоне) повлекло за собой возникновение ряда других монастырей, основанию которых способствовал святой Алексий, сделавшийся впоследствии Митрополитом Московским. Ему также принадлежит заслуга воспитания Дмитрия Ивановича, будущего великого князя Московского.

Личность Святителя Алексия настолько ярка и значительна на церковно историческом фоне древней Москвы, что ее нельзя обойти молчанием.

Обратив на себя внимание Митрополита Феогноста своим умом и строгостью жизни, инок Алексей становится сперва наместником Митрополита и в этой должности успешно управляет всеми церковными делами во время отлучек Митрополита; а после смерти Феогноста, в 1354 г., получает в Константинополе сан Митрополита Киевского и всея Руси.

Москва тогда переживала тяжелое время. После смерти Симеона великое княжество досталось его брату Ивану Ивановичу, человеку слабому и безвольному. Между тем, наряду с ростом Москвы вырастали и крепили соседние с ней княжества: Тверское, Нижегородское и другие, которые, рассчитывая на помощь со стороны Литвы, готовились к борьбе с Москвой. Православная Церковь также находилась в тяжелом положении, так как недруги всячески старались нарушить ее единство. Поэтому можно с уверенностью сказать, что то благотворное

влияние, какое оказывал Митрополит Алексей на князя Ивана Ивановича, имело огромное значение для дальнейшего будущего Москвы и всей Руси. Алексей отличался редким умом, был человеком по тому времени образованным и наряду с чрезвычайной осторожностью умел, где надо, применять решительные меры воздействия. Так, в результате его трех поездок в Орду, благодаря умению Святителя разумно и настойчиво действовать, все поездки оказались успешными.

Когда после непродолжительного княжения умер Иван Иванович и на его место должен был заступить его сын Дмитрий Иванович, то Митрополит Алексей не только взял на себя опекунство над десятилетним Дмитрием, но и стал главою совета управлявших Московским княжеством бояр и подвизался на этом поприще до полного совершеннолетия молодого князя. В условиях тяжелой обстановки, характеризующейся кровавой борьбой за власть в Золотой Орде, а также среди русских людей, Митрополит Алексей с помощью постоянных молитв за русский люд и разумных советов добивается получения великокняжеского ярлыка для Дмитрия Ивановича, победы над князьями, не желавшими признать старшинства Дмитрия, подчинения Московскому князю непокорного Новгорода, а затем Твери и т. д.

Св. Алексей хотел иметь своим преемником преп. Сергия, и высказал ему свое желание, но преподобный Сергей решительно отказался принять сан Митрополита. Великий подвижник, много помогавший своему другу Святителю Алексею мудрыми советами, считал себя неспособным к деятельности Митрополита и остался скромным отшельником, продолжая служить Церкви и Отечеству в стенах своей обители.

Митрополит Алексей скончался в 1378 г. Почувствовав приближение смерти, он позвал к себе великого князя, простился с ним, благославил его и завещал похоронить себя в основанном им Чудовом монастыре, что и было исполнено.

60 лет после кончины Святителя мощи его были обретены нетленными.

Если Ивану Даниловичу история дала почетное прозвище «собирателя земли русской», то князю Дмитрию было присуждено название «Донского» за одержанную им победу над татарами.

Услышав о выступлении Мамае против Руси, Дмитрий приказал всем войскам соединиться в Москве, чтобы отсюда начать свой поход. Москва впервые выступала в роли активного защитника Родины. Войска собирались бодро, помня свою недавнюю победу при Воже. Они уже не считали татар непобедимыми. Приготовив полки к выступлению, Дмитрий Иванович поехал в Троицкую Лавру за благословением к игумену Сергию. Преподобный Сергей не только благословил его на борьбу с татарами, но предсказал ему победу. Он отпустил с князем двух иноков, бывших ранее воинами, Александра Пересвета и Родиона Ослабю, которые стали в ряды войск, не снимая с себя одежды иноков. Русских войск собралось 150.000, для того времени небывалое количество, и летопись говорит по этому поводу: «От начала бо такова сила не бывала князей русских, якоже в се время». Как известно, славная Куликовская битва, начавшаяся словами: «Бог нам прибежище и сила», закончилась сплошным бегством татар. Весть о победе пронеслась радостным эхом по всей земле русской. Громко прогремело имя Москвы, народ почувствовал ее великую заслугу, и это сознание было новым шагом на пути к возвеличению нашей столицы. С этих пор ненавистное татарское иго неуклонно теряло свою силу над Русью. После нескольких битв, неизменно завершавшихся победой над врагом, зависимость русских перед Ордой выражалась в получении ярлыка на княжение и отдаче дани. Последним Московским князем, ездившим в Орду за ярлыком, был князь Василий Васильевич (Темный).

Вторым историческим подвигом Москвы является изгнание с русской земли поляков. То было страшное, смутное время для страны. Появление самозванца, тяжкая борьба с ним, победа над вторым и третьим самозванцами, вступление польских войск в пределы Отечества вплоть до Москвы, болезни и голод и, наконец, беззащитное хозяйничанье поляков в столице. Народ волновался, терпел лишения и бесчинства со стороны вторгшихся врагов. Поляки и служившие у них немцы предавались все это время отчаянному грабежу. По словам летописи своевольные солдаты стреляли в русских жемчужинами величиною с боб и проигрывали в карты детей, отнятых у бояр и именитых купцов. Белокаменная, подожженная поляками, пылала в огне. Куяка бояр, преследовавшая свои низменные цели, все еще стояла за присягу королевичу Владиславу. Но тут поднял свой голос Патриарх Ермоген, видя, какая опасность грозила русской стране со стороны польского короля, возмевшего желание воспользоваться смутным временем и подчинить тебе «Московию», а также со стороны папы и его приспешников — иезуитов, мечтавших ввести католическое вероисповедание в Московском государстве.

Народ давно уже тяготился присутствием иноземных и иноверных пришельцев и с радостью принял благословение и призыв Патриарха к борьбе с врагом. В то же время пришла в Москву грамота от жителей Смоленской области, где говорилось о том, что поляки притесняют русское население, надругаются над верой православной, разоряют церкви и предлагалось общими силами восстать на врага. Москвичи переправили эту грамоту в другие города, присоединив к ней другую от себя, в которой убеждали все города русские объединенными силами встать на защиту веры православной и Родины.

Призыв этот нашел отклик во всей России. Вскоре к Москве двинулось ополчение, состоящее из русского люда многих городов, под руководством Прокопия Ляпунова.

Когда известие о движении ополчения дошло до Москвы, Салтыков с боярами пошел к Ермогену, стал упрекать его, зачем он поднял восстание и требовал, чтобы Патриарх велел ратным людям, идущим к Москве, возвратиться назад, но Ермоген твердо заявил, что пока изменник Салтыков не выйдет со всеми врагами из Москвы, он не перестанет благословлять тех, которые идут на защиту веры и Отечества. Тогда к Патриарху была приставлена стража. Вскоре после этого великий мученик за правду был закован в цепи и заточен в подземелье Чудова монастыря, где он умер от голода 17 февраля 1612 г. Но правда восторжествовала. Героическими усилиями московского люда во главе с князем Пожарским и при помощи русского народа других городов, Москва, и вместе с нею наша Родина, была очищена от нашествия поляков. Так Москва сбросила со своих могучих плеч второе иноземное иго.

Прошло два столетия. На историческом горизонте появилась могучая фигура непобедимого завоевателя — Наполеона Бонапарта. Он ураганом носится с одного края Европы на другой, подчиняя себе большие и малые страны. Удача, победа и слава — его постоянные спутники. Перед миром встают блестящие страницы побед Наполеона, — как Фридриху, Маренго, Иена, Аустерлиц. Кто мог противостоять победителю всей южной и западной Европы? По преданию, великий полководец велел отлить медаль с надписью: «Тебе Небо, мне — земля». Таким образом, Наполеон добровольно уступал Богу Творцу небо, с тем, чтобы забрать себе всю землю. И вот, в момент апогея своей славы, этот гордый и неутомимый завоеватель решает двинуться на Россию.

Когда была перейдена русская граница, перед наполеоновской армией открылись две дороги: одна в столицу государства — С.-Петербург,

другая в бывшую столицу — Москву. Наполеон решил поразить Россию в самое сердце и пошел на Москву.

В простой крестьянской избе подмосковной деревушки Фили собирается весь генералитет русской армии во главе с фельдмаршалом Кутузовым. Здесь решается вопрос, как быть с Москвой. Высказывались различные мнения, но о сдаче столицы речи не было. Тогда, выслушав внимательно своих подчиненных, Кутузов встал и категорически заявил, что данной ему властью он приказывает сдать неприятелю Москву без боя. Его не понимали, пытались возразить и уговаривать, но фельдмаршал остался непреклонен: он верил в русский народ, зная, что никто не уйдет и не уйдет из Москвы победителем.

Москва с большим подъемом готовилась к встрече врага. Бывший в то время московским губернатором граф Растопчин, не зная решения Военного Совета, делал все необходимые приготовления к обороне города. В церквях молились за очищение земли русской от неприятеля. Духовенство в многочисленных воззваниях и проповедях призывало народ к боевой готовности и всевозможной помощи стране для борьбы с неприятелем. Московский люд жертвовал деньгами и вещами, отдавая подчас последнее. Указом Московской Консистории ученики духовных училищ зачислялись на военную службу. Наполеоновская армия шла на Москву по Можайской дороге мимо тихих мирных подмосковных сел Кунцева, Сетунь и др. Войдя со своей свитой на Поклонную гору, французский император остановился. Он гордо ждал от Москвы депутации с выражением покорства. Но...

«Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной,
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головой!...
Не праздник, не приемный дар —
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою».

(Пушкин)

Несмотря на разочарование французов, так и не дождавшихся от москвичей признания своей покоренности, они были поражены чарующим видом нашей столицы с Поклонной горы.

Так Цезарь Лонгуа говорит: «Новый мир открылся нам. Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва, Москва!» Почти то же самое мы находим у Лабомы: «Погода была великолепная, все это блестело и горело в солнечных лучах и казалось бесчисленными светящимися шарами. Были купола, похожие на шары, стоящие на шпиге колонны или обелиска и тогда это напоминало висевший в воздухе аэростат. Мы были поражены красотой этого зрелища, приводившего нас в еще в больший восторг, когда мы вспоминали обо всем том тяжелом, что пришлось перенести. Никто не в силах был удержаться, и у всех вырвался радостный крик: «Москва! Москва!!!»

Вечером 14 сентября, накануне вступления Наполеона в Кремль, начался пожар Москвы. Он вспыхнул в нескольких местах сразу и распространялся с ужасающей быстротой, чему способствовали сильные порывы ветра. Пожар Москвы можно разделить на три периода: сперва горели предместья, затем город и, наконец, Кремль. После пожара месяц спустя, неприятель покинул столицу. Француз Домерг в своем описании московского пожара приводит, между прочим, следующий характерный эпизод: «...пожар приближался к Кремлю и грозил его безопасности.

В полдень огонь показался в дворцовых конюшнях и в башне, прилегающей к арсеналу. Несколько искр упало на двор арсенала, в паклю, которую употребляли русские артиллеристы, и на ящики французской артиллерии. Опасность была очевидна. Бросились предупредить императора, который явился на место происшествия. В ту минуту, когда он находился внизу большой лестницы, ему представили одного поджигателя, схваченного под окнами на месте преступления. Наполеон обратился с вопросом к этому человеку. «Мы исполняем священный долг», — отвечал русский патриот. Вот как встретила Москва непобедимого. С недоумением и досадой глядел французский император на гибель города, который он обещал, как награду, своей доблестной армии. Подтверждением этому служат его собственные слова: «Этот ужасный пожар все разорил. Я был готов ко всему, кроме этого. Одно это не было предусматриваемо. Кто бы подумал, что народ может сжечь свою столицу?» В московском пожаре завоеватель Европы почувствовал свой конец. И конец этот, действительно, скоро наступил. В начале октября наполеоновская армия начала свое отступление из Москвы. Москва разоренная, разгромленная, сожженная очистилась от наводнявших ее полчищ и начала быстро восстанавливаться.

Несмотря на то, что официальной столицей России был Петербург, Москва не переставала быть центром всей культурной жизни страны. В почетных стенах Белокаменной родились и выросли великие ученые, художники, поэты, писатели земли русской.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции начинается новая славная эпоха в истории Москвы. Она вновь становится столицей.

В 1941 г. новый враг — Гитлер, разыгрывавший из себя Наполеона, делал безумную попытку посягнуть на независимость нашей столицы, а вместе с нею и всего нашего Советского Союза. И именно здесь, у самого порога Москвы, сломил себе шею тот, кто мнил себя покорителем Европы.

Советская Москва не пустила врага. С момента его изгнания из московских пригородов началась гибель немецкой армии. Советская Москва явилась авангардом в деле изгнания гитлеровцев из нашего социалистического государства. Таково огромное политическое и общественное значение Москвы для всего Советского Союза. Для верующих Москва имеет еще и другое значение, а именно — она является религиозным центром русского Православия.

В сентябре 1943 г. произошло знаменательное событие — восстановление Патриаршества. Патриархом был избран Московский Митрополит Сергей, и постоянной резиденцией Святейшего Патриарха оказалась Москва. Здесь же находится все управление Русской Православной Церкви. Взоры миллионов верующих всех стран земного шара направлены на Москву, где в небольшом особняке, в Чистом переулке, пребывает ныне здравствующий Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Многочисленные московские храмы звоном своих колоколов возвещают всем верующим «радость велию» о расцвете нашей Православной Церкви в Советском Союзе и о полном единении нашего Архипастыря со своей паствой.

В знаменательный день 7 сентября 1947 г. Москва вместе со всей страной с энтузиазмом праздновала свой 800-летний юбилей.

В Московских храмах в этот день происходили торжественные богослужения с молебнами, то к небу возносились сотни молитв о дальнейшем мирном строительстве великой Москвы, о сохранении ее от супостата и даровании ей многая лета.

С. АЛФЕЕВ

«КЕСАРЕВО КЕСАРЮ, А БОЖИЕ БОГУ» — ЕВ. МФ. XXII, 21.

7/XI—1917 г. — 7/XI — 1947 г.

Наше, пока еще единственное в мире, социалистическое Государство в этом году празднует тридцатилетие своего существования, свою политическую, экономическую, интеллектуальную и моральную зрелость, свою военную и техническую мощь...

В жизни людей 30 лет — большой срок, но в жизни государств, в жизни народов — это срок незначительный. Между тем, тридцатилетие советского строя насыщено таким богатством содержания, такой энергией и разнообразием пройденного пути, такими колоссальными, титаническими достижениями почти во всех областях жизни, что вряд ли целое столетие могло вместить то, что СССР дал за тридцать лет. Мы не будем говорить о том, как и какими путями наше Государство достигло таких феноменальных успехов. Это известно всем, кто внимательно следит за жизнью нашей страны. Скажем только, что нашим достижениям в области науки, техники, промышленности, культуры, искусства, быта удивляется весь мир. За десятилетия прежняя Россия не расходовала столько средств на культурные нужды населения, сколько их теперь расходуется за один год! Кто знает старую Российскую Империю и СССР, тот не сможет не видеть тех гигантских трудов нашего Правительства и народа, создавших за короткие исторические сроки массу грандиознейших предприятий — одно перечисление которых заняло бы много времени. Мы фактами показали и доказали всему миру, что рабочие и крестьяне, если они имеют хороших и умных кормчих, если они ясно сознают свои цели и умеют достигать их, могут и без капиталистов и без помещиков строить и свою жизнь и жизнь своего Отечества, строить лучше, продуктивнее и планомернее... Отсюда, вся наша культура, все виды нашего искусства общенародны и жизнеутверждающи...

В области религии мы также наблюдаем прогресс. Закон об отделении Церкви от Государства чрезвычайно важен прежде всего для нас — верующих православных христиан. Мы прекрасно знаем, что вмешательство Государства в дела Церкви не только не давало ничего хорошего, но и сковывало внутреннюю свободу Церкви. Возьмем Синодальное управление. Его недостатки известны всем. Говорить о них — значит повторяться. Заслуга Синода в том, что он, в этот тяжелый период своей истории, будучи, по существу, только одной из частей государственной бюрократической машины, все же имел достаточно нравственной силы и поддержки верующего народа, чтобы противодействовать таким «очам Государевым» как Мелиссино, Чебышев, Протасов и др., недвусмысленно покушавшимся на догматико-канонические основания Церкви.

Грянула Великая Октябрьская революция. Власть взяли большевики — коммунисты. Многие церковные люди сначала не поняли всей грандиозности и своеобразности совершившегося. Они обращали свое

внимание на внешнее, несущественное, не понимая внутренней закономерности диалектического перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Многие думали, что без самодержавия, без царя не может быть и Церкви. Церковь, основанную Христом, «Ее же и врата адавы не одолеют», возглавляемую Христом «до скончания века», — эту Церковь хотели поставить в зависимость от форм человеческого общежития... Отсюда необдуманные и ненужные выступления против Советской власти, отсюда злорадство при трудностях и развешивающий скептицизм при успехах... А тут еще внутренняя борьба в самой Церкви. Одни стали «модернистами», другие «реакционерами», а на самом деле и те и другие раздирали «хитон Христов». Тем более внешне это было легко делать: свобода полная, наказывать послушников некому, Государство не вмешивалось во внутреннюю церковную жизнь, а сама Церковь реальной административной силы не имела. Нужен был большой моральный авторитет носителя церковной власти, чтобы сохранить единство верующих чад и их пастырей. И этот авторитет имел Святейший Патриарх Тихон, избранный на Соборе 1917—1918 гг. Промысл Божий судил ему быть первым, после ликвидации Синодального управления, Патриархом Русской Церкви. Время его Патриаршества было чрезвычайно богато мировыми событиями. После долгой и ожесточенной борьбы с чужими интервентами и своими врагами революции, Советская Республика только начинала твердо становиться на ноги. Не удивительно, что в первое время и сам Патриарх Тихон недостаточно правильно определил свое отношение к Советской власти. Правда, свою первоначальную ошибку он тут же исправил: не вмешиваясь в дела государственной власти, он не позволял никому нарушать догматико-каноническое единство Церкви. Последней и главной его заботой была нормализация отношений между Церковью и Советской властью. Смерть помешала ему самому выполнить эту задачу. Но его преемники должны были разрешить ее.

Разрешение этой великой и основной задачи Господь возложил на рамена мудрого архиерея Русской Церкви — Митрополита Сергия (Страгородского), впоследствии Патриарха Московского и всея Руси. Желая более подробно ознакомиться с тем огромным значением, какое имеет для нашей Церкви покойный Патриарх Сергей, отсылаем к содержательной книге: «Патриарх Сергей и его духовное наследство». Изд. Московской Патриархии, 1947 г., стр. 1—415. Мы же скажем немного: Патриарх Сергей был ярким примером верующего христианина-архиерея и гражданина СССР. «Кесарево — Кесарю, Божие — Богу» — в этой неумирающей, Божественной формуле Христа дано совершенное, непрекращаемое решение об отношении верующего христианина к своей религии и к Государству. Решение вопроса, данное здесь Христом, не допускает никаких кривотолков, ибо оно предельно ясно. На этих словах Спасителя и построил Патриарх (в то время Митрополит) Сергей взаимоотношения возглавляемой им Православной Церкви и Советского Государства. «Мы, церковные деятели, — говорил он, — не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством» (послание от 29 июня 1927 г.).

И мы видим, что, вопреки предсказаниям разного рода «пророков» Запада, Церковь в СССР не умирает, а, наоборот, постепенно развивается и крепнет, основываясь на новых началах своей жизни, данных в законе об отделении Церкви от Государства и в Сталинской Конституции. Церковь у нас самостоятельна и свободно управляется согласно своим догматико-каноническим установлениям; не вмешиваясь в дела Государства и гарантированная от вмешательства государственной власти в свою внутреннюю жизнь, Церковь благословляет все то, что ведет нашу Родину к миру, славе и благоденствию, что возвеличивает и укрепляет ее.

Война с фашизмом была самым сильным испытанием жизненности и силы Советского социалистического строя в нашей стране, была испытанием и для взаимоотношений Церкви и Советского Государства. Ведь многие ожидали, что симпатии Церкви будут на стороне фашизма. Эти люди не понимали истории, забыли про то, что Церковь наша никогда, а особенно в годину бедствий, не оставляла верующих людей, шла с ними, ободряла их, помогала им, молилась за них. В эту войну народ наш сознательно и убежденно защищал свое социалистическое Отечество. Церковь Русская не могла идти против народа, а пошла рука об руку с ним, с воинами, с нашим Правительством для защиты своей Родины, для защиты ее политической, экономической, культурной и религиозной независимости.

И сейчас, в день тридцатилетия советской власти, мы смело можем сказать, что разного рода шероховатости и даже ошибки в отношениях между Церковью и Государством уже, в основном, преодолены, что сейчас Церковь наша пользуется громадным и вполне заслуженным авторитетом не только у нас, но и во всем мире, а особенно у братских славянских народов. Собор 1945 г. и последующие поездки Святейшего Патриарха Алексия и его соратников в разные страны еще больше помогли узнать всем «правду о религии в России». Мудрое же водительство церковного корабля Святейшим Патриархом Алексием и его ближайшими сотрудниками (Митрополит Николай, Митрополит Григорий и др.) говорит о том, что и в дальнейшем взаимоотношения между Церковью и Государством еще больше окрепнут и дадут благие плоды.

Скажем прямо: к тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции наша Церковь Православная приходит, как «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15). Обновленчество самоликвидировалось; Закарпатская Украина и бывшая Галиция, после 350-летней унии с католичеством, воссоединилась с Русской Церковью; на Западе и Востоке почти всеми Православными Русскими Церквями признана власть Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Единение славянских народов — и политическое и религиозное — проходит нормально, в самой благоприятной и дружественной обстановке. Церковь Русская имеет в лице Патриарха Алексия достойного преемника покойного Сергия, дальновидного и мудрого кормчего, которому Промысл Божий судил «недоконченное докончить» (Тит. 2, 5).

Как во всем видно Промышление Божие! Именно теперь, освободившись от связующих пут государственной опеки, Церковь начала выявлять свои животворные силы, сначала медленно, может быть, даже и неуверенно, а потом все смелее, решительнее, благотворнее. Мы сейчас являемся свидетелями таких событий, о которых прежние церковные деятели могли только мечтать...

«Не суть бо совети Мои, якоже совети ваши, ниже якоже путие ваши путие Мои» (Ис. 55, 8; ср. 1 Кор. 1, 25) — говорит Господь. То, что по нашему ограниченному человеческому рассуждению являлось для нас как бы губительным, то Господь обратил к славе и спасению и Церкви и нашей Родины.

ПРОТ. Н. А. ХАРЬЮЗОВ

К 30-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Тридцать лет — достаточный срок, чтобы подводить самые различные итоги. В связи с этой знаменательной для молодого советского государства датой в наших газетах и журналах печатается много статей, посвященных анализу достижений во всех областях общественной жизни. В промышленности, в сельском хозяйстве, в науке, в искусстве, в политике внешней и внутренней советская власть может гордиться достигнутыми успехами; и на страницах «Журнала Московской Патриархии» нет надобности повторять общеизвестные факты.

Но не будет лишним напомнить здесь о том, что все эти, невиданные еще в мире, достижения — результат действия основного принципа советской власти — вовлечения в строительство социализма самых широких народных масс, то-есть принципа самого широкого демократизма.

Есть также три области общественной жизни, которые в старой, до-революционной России близко соприкасались с религиозной деятельностью: это — здравоохранение, просвещение и социальное обеспечение. Старые идейные пастыри Русской Православной Церкви помнят, какая безнадежность охватывала их при сопоставлении мизерных возможностей, почерпнутых ими из сердобольной благотворительности своих прихожан, и той необъятной потребностью во врачебной помощи, в школах, в поддержке престарелых и инвалидов, какая была в дореволюционной России. Но зачастую и в своих мизерных возможностях просвещать, лечить и помогать служители Церкви были ограничены — все зависело от того, какое впечатление эта благотворительность производила на местные административные органы. Достаточно было малейшего подозрения в неблагонадежности, чтобы благотворительной деятельности священника начинали чинить препятствия.

Здравоохранение в Советском Союзе основано на началах бесплатности и доступности всех видов медицинской помощи всем гражданам без исключения.

Образование, общее и техническое в пределах семилетки также бесплатно и доступно всему населению. Более того, начальное образование является всеобще-обязательным.

Статья 120 нашей Конституции провозглашает: «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности».

Эти учреждения советской власти являются образцами гуманности и человеколюбия, столь близких сердцу православного христианина.

Равноправие всех граждан перед существующими законами, когда ни происхождение, ни богатство не дают никому никаких привилегий — разве это не есть приближение к идеальному понятию, проповедуемому Православной Церковью: «перед Богом все равны».

То, что советской власти удалось создать нерушимую дружбу различных народов, населяющих нашу страну, Русская Православная Цер-

ковь может рассматривать как величайшее благо. Народы Советского Союза объединены общими интересами в достижении благосостояния для всех и взаимным уважением к национальным традициям. Эти высокие принципы Православная Церковь может только приветствовать.

Русская Православная Церковь полностью разделяет стремления советской власти закрепить длительный мир во всем мире. Об этом ежедневно за каждым богослужением молятся в русских православных храмах.

Трудающиеся Советского Союза большим торжеством отмечают тридцатилетие своего социалистического государства. Торжество это законное, оно добыто тяжелым трудом, многими лишениями, иногда полным отрешением от личного счастья ради общего дела. И Русская Православная Церковь вместе со всеми трудящимися радуется и празднует 30-летний юбилей советской власти, который мы проводим в обстановке мира и все возрастающего благосостояния.

Еще никем не написана история Русской Православной Церкви за период установления советской власти. А много поучительного могли бы почерпнуть из нее будущие поколения.

«Возблагодарим Бога и за нашу Православную Церковь, которая именно в эти годы нового строя обрела свое законное, каноническое устройство», — пишет Святейший Патриарх Алексий в своем праздничном послании к 7 ноября 1947 года.

Отделение Церкви от Государства, провозглашенное декретом советской власти в январе 1918 г., многим церковникам и верующим показалось крахом Русской Православной Церкви. Теперь мы видим, каким недальновидным и неумным было это беспокойство. Но даже этот страх за будущее нашей Церкви дал свои положительные результаты. Те, для кого Церковь была поприщем для личных успехов и обогащения, ушли из Церкви, отправились искать свою выгоду в светской работе. Другие эмигрировали. Третьи в силу необходимости должны были оставить духовную деятельность, потому что оскудела вера в народе. И на это не надо закрывать глаза.

Декрет советской власти об отделении Церкви от Государства и провозглашение свободы совести был ударом молота, раздробившим цепь, сковывавшую отжившие формы, и освободившим истинный дух Православной Церкви.

«... все номинальные церковники от нас ушли», — писал Святейший Патриарх Сергей. Русская Православная Церковь освободилась от всего наносного, чуждого ее христианскому учению, получила возможность «свободно действовать в свойственном ей духе по пути, указанному церковными канонами», — пишет ныне возглавляющий нашу Церковь Святейший Патриарх Алексий в послании по поводу 30-летней годовщины советской власти.

Теперь, тридцать лет спустя после Октябрьской революции в России, здесь, на страницах «Журнала Московской Патриархии», мы можем подвести свои итоги, как подводит их весь советский народ.

В революцию Церковь потеряла многие свои привилегии. Ряды священнослужителей основательно поредели. Материально Церковь понесла большой ущерб. Вот констатация тех фактов, которые характеризовали положение Русской Православной Церкви тридцать лет назад.

Но, освобожденная от административных государственных пут истинная христианская сущность Православной Церкви засияла своим чистым светом. И те, для кого эта истинная христианская сущность была и есть звездой, указующей правильный жизненный путь, те остались в Церкви. И среди них мудрый и незабвенный покойный Патриарх Сергей.

«В своей внешней обстановке беспомощности мы могли рассчитывать только на нравственную силу канонической правды, которая и в

былые времена не раз сохраняла Церковь от конечного распада, — пишет он в предисловии к книге «Правда о религии в России». — И в своем уповании мы не посрамились. Смеем это сказать, несмотря на все несовершенство нашего управления. Наша Русская Церковь не была увлечена и сокрушена вихрем всего происходящего. Она сохранила ясным свое каноническое сознание, а вместе с тем и каноническое возглавление, то есть благодатную преемственность от Вселенской Церкви и свое законное место в хоре Православных автокефальных Церквей».

Из этого утверждения вытекало следующее: «Ясно, что Церковь раз навсегда должна соединить свою судьбу с судьбою паствы на жизнь и на смерть», — читаем мы дальше в том же предисловии.

Все это писалось в год двадцать пятый существования советской власти, когда мудрый кормчий Русской Церкви мог уже видеть результаты руководства своими благими принципами.

Протекшее с тех пор пятилетие, полное жесточайших испытаний для молодой советской республики, показало всему миру как могуч и жизнеспособен народ, освобожденный «от угнетения, от власти богатства и стяжания» (Патр. послание 7/XI—1947 г.). Победа во Второй мировой войне принесла Советскому Союзу всемирную славу. Последующая борьба за мир и дружный, вдохновенный труд всех советских граждан в деле восстановления и реконструкции своего хозяйства привлекли к нам множество друзей и подражателей.

В годы величайших трудностей, в годы войны, Церковь, не колеблясь, встала на защиту народных интересов, помогая и словом и делом советской власти освободить страну от иноземных поработителей, в дни мира Церковь радуется все возрастающему благоденствию народа и благословляет его мирный труд и трудовые подвиги.

И растет слава Русской Православной Церкви, растет ее мощь, растет ее мудрый авторитет. Иные десятилетия чреваты большими событиями, чем целые века. За последние несколько лет под крыло Церкви Российской собрались многие, разобщенные с нею в течение долгого времени, архипастыри, пастыри и чада, русские и иностранные, исповедующие Православие и видящие его истинный свет в России. Внутри страны полностью изжито обновленчество, худшее из всех видов церковного раскола. «Два Поместных Собора собирались за эти годы, причем, Собор 1945 г. явился невиданным на Руси в ее церковной жизни событием, так как на нем вместе со всеми нашими иерархами и пастырями присутствовали Главы и Представители всех Церквей Востока и других автокефальных Церквей» (Патриаршее послание 7/XI — 1947 г.). Разрыв Брестской унии, существовавшей три с половиной века, также был совершен в последние пять лет и является лишним свидетельством торжества истинного Православия, хранимого в канонической чистоте нашей Русской Церковью.

Само по себе понятие Церковь есть понятие общины, совокупности единомыслящих людей, объединенных и общей верой и общими нравственными понятиями. И Русскую Православную Церковь составляют также люди. Их нравственный облик создает авторитет Церкви.

Забота русского православного духовенства о своем нравственном облике, постоянное стремление к духовному совершенству — залог немеркнувшей славы Русской Церкви в будущем. Проповедь нравственных и моральных устоев, душевной и духовной чистоты пастве, пробуждение облагораживающего человека чувства веры — есть и останется первой обязанностью наших пастырей.

Миллионы религиозных предрассудков ни в коем случае нельзя смешивать с глубоко-нравственным, возвышающим и одухотворяющим, запечатленным в совершенных образах учением христианства, каким оно сохранилось в нашей Православной Церкви. Весь ритуал богослужения,

проникновенные слова молитв, структура проповеди, всегда опирающаяся на простые и мудрые примеры, взятые из Священного Писания и житий святых — все вместе и в отдельности действует на лучшие чувства человека, пробуждая в нем любовь к ближнему, совесть, сознание греха в зависти, в воровстве, в убийстве ради корыстных целей. Наша Церковь борется с прелюбодеянием, с распущенностью. Призывает к терпению, к разумию, к храбрости, когда дело касается защиты близких, защиты Родины. Понятие патриотизма в нашей Церкви самое высокое, великодушное, доброжелательное к тем, кто следует принципам человечности, даже не исповедуя Православия.

Область веры — это область чувства. Идея Бога необъяснима человеческим разумом. Можно верить или не верить. Но верующий человек знает, потому что многократно проверил на опыте, что молитва приносит глубокое отдохновение, просветление, вдохновляет на такие поступки, которые по своей силе и мудрости кажутся откровениями. А скольким людям, обездоленным, несчастным, одиноким и престарелым наша Церковь дает утешение, удовлетворение и душевное спокойствие.

Русская Церковь, свободная «действовать в свойственном ей духе по пути, указанному церковными канонами», совершенно нелицеприятно солидаризируется с законами и мероприятиями советской власти, основанными на принципах демократизма, равноправия, любви к ближнему и к Отечеству.

Международная обстановка в настоящее время вырисовывается все отчетливее и отчетливее — уже ясно видны контуры двух лагерей: Труда и Капитала.

В. М. Молотов в докладе, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции наметил дальнейшие пути международной политики Советского Союза. Он сказал: «В наше время стоит задача объединить все антиимпериалистические и демократические силы народов в один могучий лагерь, спаянный единством кровных интересов, против империалистического и антидемократического лагеря и его политики закабаления народов и новых авантюр».

Нужно ли спрашивать в каком лагере останется Русская Православная Церковь? Может ли она встать на сторону Капитала, когда все молитвы ее «о спасении и помощи со тщанием и страхом Божиим труждающихся и служащих, об исцелении в немощех лежащих». Русская Православная Церковь всей своей внутренней правдой с теми, для кого труд — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства, всей своей внутренней правдой она сочувствует угнетенным в их стремлении освободиться от порабощения капиталом.

Наша Церковь видит особый Промысл Божий в том, что Советский Союз встал ныне на страже мира во всем мире. Святейший Патриарх Московский и всея Руси в своем послании к преосвященным архипастырям, боголюбивым пастырям и всем верным чадам Церкви Российской, читаемом во всех храмах во время праздничного богослужения в день тридцатилетнего юбилея советской власти нелицемерно говорит:

«Да процветает Страна наша под этим благословением небесным!»

«Да будет она и впредь стражем и глашатаем благословенного мира для всех народов!»

А. ШАПОВАЛОВА

О ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВА ВЛАСТИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ НА «ДИАСПОРУ».

Великое искушение земной власти, последнее и самое тяжелое искушение, которым дьявол соблазнял Господа (Мтф. 4, 3—10), не осталось чуждым и Его последователям. Особенно часто подвергались искушению власти предстоятели Церквей, силою обстоятельств поставленных выше других и прежде всего пяти древних патриархатов, и лишь просвещенное свыше соборное сознание Церкви положило предел этому чуждому духу. Так, в начале пятого века Карфагенский Собор осудил попытку пап подчинить себе Карфагенскую Церковь, а несколько позднее III Вселенский Собор в своем 8 правиле осудил стремление антиохийских патриархов подчинить Церковь Кипрскую. «Да не преступаются правила отец, гласит определение Собора, да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския и да не утратим по-малу, неприметно, той свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков».

Однако не все и не всегда помнили этот предостерегающий голос Вселенского Собора. «По-малу и неприметно» вкралась надменность мирской власти в первую по рангу автокефальную Церковь — Церковь Римскую и она отпала от единства Вселенской Церкви. Не осталась чужда этому искушению и вторая по ней (IV Всел. 28) Церковь Константинопольская и в ее истории часто сказывается стремление ставить себя выше других автокефальных Церквей, превратив унаследованное ею от Римской Церкви первенство чести в первенство власти. Правда, к великому благу православного мира, стремление это, в отличие от Рима, проявилось лишь в отдельных актах церковной политики и иногда в теориях некоторых церковных политиков, например, в теории «перенесения скипетров» и никогда не было возводимо на степень церковного догмата, но и эти отдельные акты и теории не мало вреда принесли Православной Церкви. В отделении Западной Церкви от Восточной, имевшем столь губительные последствия для всего христианского мира, виноват был не только Рим, но и Константинополь. Неоднократное закрытие славянских патриархатов, схизма болгарская, схизма антиохийская — вот некоторые, но далеко не все факты, бывшие последствием такого умонастроения. Внешнее принижение Константинопольской Церкви, с одной стороны, и возвышение Русской Церкви, с другой, не давало возможности широкому проявлению таких стремлений, но лишь только Русская Церковь попала в тяжелые условия, «дымное надмение мира» снова вкрадывается в Константинопольскую Церковь и она снова делает попытки «перейти пределы, положенные отцами и соборами».

Проявилось это стремление в виде новоизмышленной теории об обязательном и исключительном подчинении Константинопольской Церкви всей православной диаспоры, всего православного «рассеяния» (Вас.

Вел. пр. 85), под которым греки стали понимать не только отдельных лиц, но и все православные приходы и даже епархии, находящиеся вне границ государств, в которых существуют Православные автокефальные Церкви.

«Вашему Блаженству и дорогой сестре Сербской Церкви», пишет, напр. 30/V — 1931 г. Константинопольский Патриарх Фотий II Патриарху Сербскому Варнаве, претендуя на подчинение Константинопольской Церкви Будимской епархии, «известен общий взгляд нашего Патриаршего Престола по вопросу о каноническом положении православных церковных общин и колоний, находящихся в диаспоре и вне границ Православных автокефальных Церквей, что все церковные общины, какой бы то ни было народности, должны в церковном отношении быть подчинены нашему Святейшему Патриаршему Престолу».

Ту же теорию находим и в послании Патриарха Василия III Варшавскому Митрополиту Дионисию от 12/XII — 1925 г. и во многих других актах этой Патриархии, начиная с 1922 г. Творцом этой теории является горячий панэллинист Китийский, а затем Афинский Митрополит, Константинопольский (1921—1923), а после 7/V — 1926 г. Александрийский Патриарх Мелетий (Метаксакис 1871—1935), и теория эта не осталась на бумаге, но энергично и успешно проводилась в жизнь как творцом теории, так и его преемниками по Константинопольской кафедре. Так, в 1922 г. Патриархией были открыты 4 епархии в Америке и назначен Экзарх для Западной и Центральной Европы с апокалипсическим титулом (2, 18) Митрополита Фиатирского, в 1923 г. был назначен архиепископ Пражский и всей Чехословакии и издан томос о восстановлении древней Кирилло-Мефодиевской архиепископии, подчиненной юрисдикции Константинополя и подчинены той же юрисдикции Финская, Эстонская и Польская Церкви, в 1924 г. был поставлен Митрополит «Венгерский и Экзарх Центральной Европы в Будапеште», был поставлен епископ в Париже; Польская Церковь, хотя и была провозглашена автокефальной, однако осталась в зависимости от Церкви Константинопольской, были открыты две епархии в Австралии и была сделана попытка закрыть Русскую Патриархию и поставить Русскую Церковь в зависимости от Константинопольской. В 1925 г. был дан титул «Блаженства» главе Польской Церкви, а в 1929 г. туда послан был с широкими правами надзора епископ Трахийский; в 1928 г. был подчинен епископ Русской Церкви в Америке Адам; в 1931 г. Русский Митрополит в Западной Европе Евлогий вместе с подчиненными ему епископами был принят в юрисдикцию Константинопольской Церкви; в 1932 г. был поднят вопрос о подчинении Константинополю всех епархий и приходов Сербской Церкви, находящихся вне границ Югославии. Таков длинный, но далеко неполный и незаконченный список применения новой теории относительно юрисдикции над православной диаспорой.

Но лишь только закончилась Вторая Великая война и улучшилось положение Русской Церкви, как начался и обратный процесс отпадения епархий и приходов от Константинопольской Церкви и возвращение их к Церкви-Матери — Русской Патриархии.

В юрисдикцию Московской Патриархии уже возвратился целый ряд православных русских епархий и приходов как в границах СССР, так и вне этих границ.

Поднят вопрос и о возвращении к Церкви-Матери Церквей Финской и Польской. Но ввиду того, что вопрос этот пока не решен окончательно, и что в Западной Европе часть русской диаспоры и сейчас считает себя подчиненной юрисдикции Константинополя, а также ввиду того, что греческие церковные круги, повидимому, не отказываются от своей теории о каноничности подчинения Константинополю всей православной диаспоры, необходимо рассмотреть эту теорию и саму по себе

и в применении ее к Церкви и Финской и Польской, причем в отношении Польской Церкви нужно рассмотреть не только вопрос о зависимости ее от Константинополя, но и о праве Константинополя дать ей автокефалию.

В каноническом кодексе Православной Церкви защитники теории находят ее подтверждение в трех канонах: а) во втором правиле IV Вселенского Собора; б) в восьмом правиле III Вселенского Собора и в) главным образом в 28 правиле IV Вселенского Собора.

а) Во втором правиле II Вселенского Собора, пишет Патриарх Мелетий Митрополиту б. Киевскому Антонию от 5/VII — 1927 г. («Пантенос» 1927, № 89, стр. 514—516), мы читаем: «Областные епископы да не простирают своя власти на церкви за пределами своей области и да не смешивают церквей... Не быв приглашены, епископы да не преходят за пределы своей области ради рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения. При сохранении же вышеписанного правила о церковных областях, явно есть яко дела каждая области благоучреждати будет собор той же области, как определено в Никее».

«На основании этого правила», делает вывод Патриарх Мелетий, «вы, как епископы Русской Церкви, не имеете права вмешиваться в епископскую юрисдикцию вне границ ваших церквей».

Но, ведь, во-первых, правило не предоставляет никаких преимуществ Константинопольской Церкви и даже не упоминает о ней, а во-вторых, если бы правило говорило только то, на что ссылается Патриарх Мелетий, то это бы значило, что ни одна Церковь, в том числе и Константинопольская, не может иметь миссий вне своих границ, что противоречило бы заповеди Основателя Церкви: «Идите, научите все народы» (Матф. 28, 19, Мр. 16, 15). На самом деле Патриарх Мелетий из правила приводит только ту часть, которая не относится к вопросу, а ту часть, которая дает право всем Церквям иметь миссии, намеренно опускает. А именно в конце правила читаем:

«Церкви же Божии у иноплемennых народов (‘‘εὐ τοῖς βαρβαρικοῖς ἐθνεσὶν) должны быть правимы по соблюдавшемуся донныне обыкновению отцев».

Отсюда следует, что запрещение простираť юрисдикцию вне границ церквей не относится к миссионерским областям, а касается только территорий других церквей, но никак не территорий, находящихся вне этих церквей, т. е. миссионерских областей, где нужно сохранять старый порядок. Какой же это порядок? Как объясняют авторитетные толкователи Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон, здесь не существовало определенных границ автокефальных церквей и епископы одной церкви, особенно отличающиеся красноречием, могли часто посещать и области других епископов, дабы наставлять обращенных к вере и утверждать в ней (Правила Св. Вселенских Соборов с толкованиями 1 М. 1877, стр. 85, ср. 86; Афинская синтагма II, 171, 172). Таким образом правило говорит как раз противоположное тому, что хочет доказать Патриарх Мелетий.

б) В восьмом правиле III Вселенского Собора Патриарх Мелетий и другие греческие канонисты обращают внимание на следующее место: «Дабы никто от боголюбезнейших епископов не простираť власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников: но аще кто простер и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную». Отсюда делается вывод, что автокефальные церкви, кроме Константинопольской, не имеют права посылать епископа вне границ того государства, где находится их церковь и, следовательно, Русская Церковь не может иметь своих епархий в Польше и в Финляндии.

Но если бы даже правило действительно имело такой смысл, то прежде всего совершенно непонятно, на каком основании греки делают

исключение для Константинопольской Церкви, когда правило устанавливает порядок, общий для всех без исключения церквей, и не упоминает о каком-то исключительном положении Церкви Константинопольской. И если Русская Церковь не может иметь епархий в Польше и в Финляндии, так как они находятся в других государствах, то не может иметь их и Церковь Константинопольская, так как она находится в другом государстве.

На самом деле правило совершенно не касается вопроса о церковной внегосударственной юрисдикции, а, защищая автокефалию Кипра от претензий Антиохийской Церкви, решает лишь вопрос о разграничении юрисдикции церквей, находящихся в одном государстве — в Византии. «Прочти еще второе правило Второго Собора», советует Вальсамон в толковании на восьмое правило III Собора, «28-е IV Собора и 39-е VI и что в них написано и узнаешь, как подчинены были Константинопольскому Престолу Церкви, находящиеся в Римской империи, за исключением некоторых» (Прав. с толк. 135—136; Афинская синтагма II, 206). А если бы мы стали применять это правило и в более широком междугосударственном масштабе, то претензии Константинополя нашли бы здесь только суровое осуждение: «Аще кто простер и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную», заповедует правило и добавляет: «святому и Вселенскому Собору угодно, чтобы всякая епархия (т. е. автокефальная митрополия) сохраняли в чистоте и без стеснения принадлежащие ей права, по обычаю издревле утвердившемуся». Но ведь Финская Церковь с самого своего основания принадлежала к Русской Церкви и Церковь Константинопольская никогда не имела к ней никакого отношения. Точно также Русской Церкви уже более ста лет были подчинены все православные епархии в Польше, тогда как для церковной давности по 17 правилу IV Вселенского Собора достаточно 30 лет. Отсюда следует, что Константинопольская Церковь, захватившая при помощи светской власти и Финскую и Польскую Церкви, должна возвратить их Церкви Русской. И для этого даже не требуется никакого нового акта со стороны Церкви Константинопольской, ибо данное правило Вселенского Собора объявляет, что все подобные акты захвата в будущем должны считаться недействительными сами по себе без особого постановления. «Аще же кто предложит постановление противное тому, что было определено», говорится в конце правила, «угодно всему святому и Вселенскому Собору да будет оно недействительно». Отсюда же видно, насколько неосновательно рассуждение части русской диаспоры в Западной Европе, до сих пор подчиняющейся юрисдикции Константинопольского Патриарха на том основании, что нет его постановления об отмене этой юрисдикции.

Недействителен был переход в Константинопольскую юрисдикцию и потому, что он произошел вопреки 17 правилу VI Вселенского Собора без увольнительной грамоты со стороны центральной власти Русской Патриархии, за что, по правилу, должен быть лишен чина и принятый и принявший.

в) Главное доказательство своей теории греки находят в 28 правиле IV Вселенского Собора, которое действительно говорит о правах Константинопольской Церкви. Это правило сначала ссылается на третье правило II Вселенского Собора, которое дало Константинопольской Церкви те же права чести, как и Риму, а затем определяет и границы его власти:

«Посему токмо митрополиты областей (греч.-диецезов), понтийския, асийския и фракийския, и такожде епископы у иноплеменников вышереченных областей, да поставляются от вышереченного святейшего престола Святейшия Константинопольския Церкви».

Защитники новой теории видят ее подтверждение в словах правила «у иноплеменников» („εἰ τοὶς βαρβάρικοις“) и толкуют их в политическо-географическом смысле, в смысле православной диаспоры, находящейся вне границ государств, где есть Православные автокефальные Церкви, каковая диаспора, по этому правилу, будто бы, должна входить в исключительную юрисдикцию Константинопольской Церкви. Чтобы показать ошибочность такого толкования 28 правила, нужно выяснить подлинный смысл терминов «диаспора» и «варвары» в церковной письменности.

Термин «диаспора» — «рассеяние» взят из Священного Писания. В Ветхом Завете (Второзаконие 30, 3—4; Иудифь 5, 19; Иова 7, 35 и др.) он означает евреев и прозелитов, рассеянных между язычниками. Встречается слово «диаспора» в этом смысле и в древне-христианской письменности, например, у св. Климента Римского (Минь, Патр., гр. 1, 200, С), в Климентинах (Минь, Патр., гр. II, 147, А). Встречается он в этом смысле и в Новом Завете. Когда Иисус Христос сказал иудеям: «Где буду Я, туда вы не можете придти», иудеи говорили между собою: «Не хочет ли Он идти в Эллинское рассеяние и учить Эллинов?» (Иоан. 7, 35; ср. Ио. 12, 20—29). Но чаще этот термин означает христиан, рассеянных между нехристианами. Апостол Иаков адресует свое послание «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии» (1, 1), т. е. христианам, жившим между находящимися в рассеянии евреями. Апостол Петр адресует свое первое послание «избранным пришельцам рассеяния Понта, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии», называя пришельцами христиан, но пришельцами избранными (1, 1; ср. Евреям 11, 13). В том же смысле употребляется этот термин и в позднейшей христианской письменности, например, в 85 правиле Василия Великого.

Таким образом термин «диаспора» вовсе не имеет географического или политического смысла, а имеет смысл конфессиональный и означает вероисповедное меньшинство, безразлично, проживает ли оно в границах известного государства или вне его. Как мы видели, апостол Петр, называет «диаспорой» христиан, проживающих в Римском государстве, а не вне его.

Подобный же смысл в церковной письменности имеет и термин «варвары» или «варварские народы». Среди варварских народов христианство распространялось позднее, чем между римлянами и греками, и потому у них христиане составляли меньшинство, «диаспору», среди которой нельзя было применить общего церковного порядка, почему каноны (например II Вселенского Собора, правило второе; IV Вселенского Собора, правило 28) дают относительно этих народов особые предписания. Но и этот термин имел в церковной письменности не политическо-географическое, а этнографическое значение. Слово „ο βαρβάρος“ в Новом Завете означает всякого человека, неговорящего на государственном греческом или латинском языке, безразлично, живет ли он в Римском государстве или вне его. «Если я не разумею значения слов, пишет к Коринфянам апостол Павел, то я для говорящего — варвар и говорящий для меня — варвар» (1 Коринф. 14, 11). Не переходя границ Империи, апостол Павел проповедывал и варварам (Рим. 1, 14). Деяния апостольския (28, 2 и 4) называют жителей острова Мелита (Мальты) «варварами», хотя они и были римскими подданными, т. к. они говорили на пунийском языке. В более позднее время слово «варвары» или «варварские народы» означало иноплеменников, как и переводит это слово Книга Правил, находящихся как вне границы Империи (см. Кодекс Юстиниана XII, 36, 39; Василия Великого, правило 85), так и внутри ее (см. например, VI Вселенского Собора, правило восьмое; послание к Диогнету, 5, 4; Минь II; Сократ, Церковная История IV, 33; Минь 67, 551, 554; Созомен, Церковная История VI, 37; Минь 67, 1404—1409). Для означения

же варварских государств, находящихся, конечно, вне Римской империи, употреблялся термин «*το βαρβαρικον*» (т. е. *meros* — варварский мир, в противоположность миру греческому — «*το ελληνικον*») ¹ или «*barbaricum*» ². В таком смысле употребляется этот термин в 63-м (52-м) правиле Карфагенского Собора, где говорится, что в Мавритании Соборов не было потому, что эта страна «лежит на краю Африки и сопредельна варварской земле» («*τω βαρβαρικω παρακοιται*»).

В каком же смысле употреблены слова: «*εν τοις βαρβαρικοις*») в 28 правиле IV Вселенского Собора, в географическом или этническом? В зависимости от такого или иного решения этого вопроса решается и вопрос об основательности претензий Константинопольской Церкви на юрисдикцию над всеми православными епархиями и приходами, находящимися вне границ государств, в которых существуют другие автокефальные Церкви. Если слово «варварский» в 28 правиле IV Вселенского Собора имеет политическо-географический смысл, означает государственные границы, то можно думать, что Собор подчинил этой Церкви всю территорию вне границ Византии. Но если это слово имеет смысл этнический и означает лишь известные негреческие народы, среди которых распространялось христианство, то все претензии Константинопольской Церкви теряют под собою всякую почву.

Несомненно, слово «варварский» употреблено в 28 правиле IV Вселенского Собора в этническом, а не в политико-географическом смысле. Это доказывается, во-первых, значением самого слова «*βαρβαρικον*», во-вторых, его контекстом, в-третьих, вторым правилом II Вселенского Собора, в-четвертых, авторитетом канонических толкователей и, наконец, в-пятых, историческими данными.

1) Мы уже видели, что для означения земель, где господствуют варвары, в канонах употребляется слово «*βαρβαρικον*», и если бы 28 правило IV Вселенского Собора имело в виду эти земли, в нем бы было сказано: «*εν τω βαρβαρικω*». Между тем на самом деле здесь стоит «*εν τοις βαρβαρικοις*», и значит говорится не о варварских государствах, а о варварах, о варварских народах, живущих хотя бы и в границах Империи.

2) В 28 Халкидонском правиле мы находим лишь прилагательное «*βαρβαρικοις*», но не находим существительного, к которому прилагательное относится. Но вследствие связи этого правила с правилами II Вселенского Собора ³, о чем говорится в начале 28 правила, нужно думать, что и здесь разумеется существительное «народов», так как во втором правиле II Вселенского Собора говорится: «*εν τοις βαρβαρικοις εθνεσι*».

3) Халкидонское правило говорит не о варварских народах вообще, а лишь о народах определенных, о народах только «вышереченных областей» («*των προειρημενων διοικησεων*»), т. е. только о варварах, живущих в дицезах Понтийском, Асийском и Фракийском. Но ведь эти три дицеза находились в Византийской империи, хотя и имели свои миссии и епархии вне границ Империи. Таким образом правило государствам за границей не касается, а подчиняет Константинопольскому епископу епископов у варваров, живущих в церковных границах этих трех дицезов, безразлично, находятся ли эти варвары в Византии или вне ее.

Мотивы такого соборного постановления объясняются историей Константинопольской Церкви. Долгое время территория Константинополь-

¹ См. E. Preuschen, Handwörterbuch zu dem N. T., Giessen., 1910, S. 99.

² E. A. Sophocles, Greek Lexicon, New York, 1900, p. 298; Du Cange, Glossarium totius graecitatis, Vratislaviae, 1891, sub v. *βαρβαρικον*; Beveregius, Synodikon, II, Ochiaie, 1702, annotationes, p. 125.

³ Собор ссылается на третье правило, но третье правило II Вселенского Собора является продолжением второго правила и связано с ним частицей «*μεντι*».

ского епископа, только недавно возвысившегося города, была очень мала и он был лишь одним из епархиальных епископов Фракийского диоцеза. Между тем II Вселенский Собор третьим своим правилом дал ему второе место в ряду глав Православных Церквей, уравнив его по чести с Римским епископом, а его высокое фактическое положение, как близкого к императору епископа новой столицы Империи, повело к тому, что он стал поставлять как епископов, так и Митрополитов в трех соседних диоцезах. И вот IV Вселенский Собор, устанавливая соответствие между правами чести и фактическим положением епископа Нового Рима, с одной стороны, и границами его власти с другой, дал ему своими 9 и 17 правилами те же судебные права, каковые имели главы автокефальных Церквей — Экзархи и санкционировал уже существовавшее фактически подчинение ему трех соседних диоцезов, подобно тому, как I Вселенский Собор санкционировал подчинение Римскому, Александрийскому и Антиохийскому епископам не одной, а нескольких провинций. Сообразно с этим был решен и вопрос о подчинении миссии. Заведывание миссии обычно находится в ведении центральной власти известной автокефальной Церкви. Но так как с подчинением трех диоцезов Константинопольскому епископу центральной властью для них сделалась власть этого епископа, то к нему перешло и заведывание миссией среди диаспоры этих и только этих трех диоцезов.

4) Все канонические толкователи — Алексий Аристин, Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон, как и составитель алфавитной синтагмы Матфей Властарь, под словом «*βαρβαρίκοις*» разумеют именно варварские народы, и при том только народы, подчиненные юрисдикции этих трех диоцезов, подчеркивая, что варварские народы других соседних диоцезов не были подчинены этим правилом юрисдикции Константинополя, а попрежнему остались под юрисдикцией других Православных Церквей. «Ему (епископу Константинополя) подчиняются», пишет Аристин, «только Митрополиты Понта, Азии и Фракии и от него получают хиротонию, а также и епископы варваров в этих диоцезах, так как диоцез Македонии и Иллирика, и Фессалии, и Пелопонеса, и всего Эпира и (варварских) народов в нем (т. е. в этом диоцезе) находился тогда под властью Римского епископа» (Афинская синтагма II, 286; Кормчая, изд. 1816 г., лист 73).

«Константинопольскому епископу», пишет Зонара, «передается хиротония епископов у варварских народов, находящихся в упомянутых диоцезах, ибо остальные диоцезы, т. е. Македонии и Фессалии, Эллады и Пелопонеса, так называемого Эпира и Иллирика, тогда были подчинены епископу древнего Рима (Афинская синтагма II, 283, 284).

«Епископии у варваров, пишет Вальсамон, это Алания, Россия и другие, т. к. Аланы принадлежат к Понтийскому диоцезу, а Росы — к Фракийскому» (Аф. С. II, 285).

В Синтагме Матфея Властаря читаем:

«Епископу Константинополя разрешено хиротонисать и епископов у варварских народов, пограничных с подчиненными ему диоцезами, каковы Аланы и Росы, т. к. первые граничат с Понтийским, а вторые — с Фракийским диоцезом» (Е., 11; Афинская синтагма, VI, 257).

Отсюда видим, что все древние авторитетные толкователи канонов утверждают, что Халкидонский Собор дал Константинопольскому епископу только то право в отношении диаспоры, которое до того Собора принадлежало вошедшим в состав Константинопольской Церкви диоцезам Понта, Азии и Фракии, т. е. право посылать епископов для диаспоры только к живущим в этих диоцезах иноплеменникам. А Аристин и Зонара, кроме того, указывают, что в Европе право Константинопольского епископа посылать епископов для диаспоры простиралось лишь на варваров в одном Фракийском диоцезе, так как остальные диоцезы были

подчинены епископу Римскому. А так как границы Фракийского диэцеза простирались тогда только до Сердики, нынешней Софии в Болгарии¹, а далее находились Фесалия, Македония и Иллирик, подчиненные тогда епископу Рима, то значит по 28 правилу IV Вселенского Собора юрисдикция Константинопольской Церкви среди диаспоры в Европе простиралась только на диаспору, находящуюся к востоку от Софии. А относительно границ Константинопольской Церкви в Азии, Вальсамон пишет в толковании 28 правила IV Вселенского Собора: «Знай, что Понтийскими называются Митрополиты, граничащие с морем Эвксинским (т. е. Черным) до Трапезунта, и внутренние, Асийскими же (Митрополиты), которые около Ефеса, Ликии, Памфилии и в окрестностях их, но не в Анатолии, как говорят некоторые. В Анатолии имеет право хиротонии (епископ) Антиохийский» (Афинская синтагма II, 284).

Таким образом София в Европе, Трапезунт и Анатолия в Азии — вот те крайние пункты, до которых по 28 правилу IV Вселенского Собора простиралась юрисдикция Константинопольской Церкви.

5) История доказывает, что 28 правило IV Вселенского Собора, подчинив Константинополю три упомянутых диэцеза с их диаспорой, несколько не уменьшило прав других автокефальных Церквей, в частности и объем их юрисдикции среди «варварской» диаспоры. Так Римская Церковь назначала епископов *in partibus infidelium* почти всей Европы, кроме Фракии, Александрийская — в странах к югу от Египта, Антиохийская на востоке — в Грузии, в Персии, в Армении, в Месопотамии, а юрисдикция Константинопольской Церкви долгое время после Собора оставалась в тех именно границах, в каких до Собора имели ее диэцезы Асийский, Понтийский и Фракийский. Изданный 83 года спустя после IV Вселенского Собора — в 534 г. гражданский кодекс Юстиниана, свидетельствует², что в это время Константинопольскому епископу были подчинены только два епископа диаспоры — епископ Малой Скифии с кафедрой в г. Томи и епископ Исаврии с кафедрой в Исаврополе. Эти Церкви 30 правило VI Вселенского Собора и называет «варварскими» церквями. В следующем 525 г. Юстиниан организовал, главным образом для миссии среди варваров на Балканском полуострове, своей XI новеллой новую автокефальную Церковь Первой Юстинианы, причем архиепископу новой Церкви были подчинены епископы провинций Средиземной и Рипинсийской Дакии, Превалии, Дардании и верхней Мизии³, и таким образом эта архиепископия включила в свои границы территорию не только нынешней Югославии и Албании, но и Западной Болгарии. Между тем против новой автокефалии протестовал не Константинопольский Патриарх, а протестовал Римский папа, считая, что она нарушает его права, и Юстиниан в 545 г. своей CXXXI новеллой⁴ восстановил здесь папскую юрисдикцию.

В начале VII века, вследствие переселения славянских народов, архиепископия Первой Юстинианы закрылась, но и тогда ее Митрополиты (Филиппский, Фессалоникийский и Ларисский) не подчинились Константинопольскому Патриарху, а сделались самостоятельными и основали новые епископии для славянской диаспоры⁵.

Что юрисдикция Константинопольского Патриарха над диаспорой только немного переходила границы Византии, это доказывают и древ-

¹ См. П. Лепорский, Ист. Фессалоникийского Экзархата до времени присоединения его к Константинопольскому Патриархату, Петербург, 1901.

² I, III, 36; ср. Номоканон Фотия, I, 20; VIII, 1; Афинская синтагма, I, 57 и 144; Кормчая изд. 1816 г. глава 44, лист. 34.

³ См. Номоканон Фотия I, 5; Афинская синтагма, I, 42 и 44; Синтагма Властаря Б., II; Афинск. синт. VI, 259; Василики, V, III, 4, по издан. Гаймбаха, I, 134.

⁴ Главы 2—4; см. г. Голубинский, Краткий очерк... церквей, М. 1871; 108—110; Грунич, Ист. Хр. Церк. Београд, 1923, I, 38; П. Лепорский, там же, 188—212, 250—253, 260.

⁵ Грунич, там же.

нейшие списки епархий Константинопольского Патриархата — Елифания (Минь, гр. 86, 1, 789), Де-Боора¹, так назыв. Льва Философа (Афинская синтагма V, 474—475), Нила Доксопатора (Минь, гр. 132, 1097). Правда, второй список упоминает целую готскую митрополию с восемью епархиями, но, как доказывал В. А. Мошин, здесь мы имеем дело только с проектом, а не с действительностью².

Список Льва Философа, как и упомянутые выше канонические толкователи, к митрополии Константинопольской Церкви причисляют и Русскую Церковь, но в первом случае мы имеем позднейшую интерполяцию, а во втором очевидный анахронизм, так как нет никаких оснований думать, что в V веке на территории нынешней России существовало христианство и во всяком случае Русская Церковь была сначала подчинена Константинопольской Церкви не на основании 28 правила IV Вселенского Собора³, а на основании общего принципа, по которому новообращенные народы подчиняются обратившей их в христианство Церкви-Матери, пока не приобретут нужных условий для автокефалии.

Если позднее юрисдикция Константинопольской Церкви то много расширялась, то снова суживалась, то это происходило не в связи с 28 правилом IV Вселенского Собора, а вследствие совершенно других причин. Распространение этой юрисдикции происходило благодаря благоприятным для Константинополя политическим событиям и еще более благодаря миссионерской ревности славянских просветителей, а суживание — вследствие неблагоприятных для Константинополя политических событий и приобретения негреческими церквами нужных условий для автокефалии. Так в 732 г. юрисдикция Константинополя простерлась до Дирахиума (ныне Дураццо), о чем упоминают Вальсамон (Афин. синт. II, 285) и Властарь (Афин. синт. VI, 257), но это произошло только благодаря тому, что Лев Исавр завоевал Иллирик.

Но как в расширении Константинопольской юрисдикции в области диаспоры не видели применения 28 Халкидонского правила, так и в ее сужении не видели нарушения этого правила. И теории о подчинении Цареграду всей православной диаспоры не существовало до 1922 г., когда ее создал Патриарх Мелетий. Это видно, прежде всего, из двух официальных канонических сборников Греческих Церквей — Пидалиона 1800 г. и Афинской синтагмы 1852—1859 гг., где приведены упомянутые толкования канонических комментаторов и где нет ни малейших следов этой теории. Это видно и из напечатанной в 1921 г. в Александрии брошюры архимандрита Каллиста: «Патриарший Вселенский Престол и его права и привилегии относительно других Православных Церквей», где автор стремится расширить права Константинопольской Церкви, но ничего не говорит о ее мнимом праве на подчинение всей православной диаспоры.

Помимо трех вышеуказанных правил (II Вс. 2, III Всел. 8 и IV Всел. 28), в вопросе о границах юрисдикции Константинопольской Церкви имеет значение и 17 правило IV Вселенского Собора, конец которого повторен в 38 правиле VI Вселенского Собора. На эти правила греческие авторы ссылаются, как на основу права Константинопольской Церкви дать автокефалию Церкви Польской.

Такие ссылки находим не только в их переписке с другими иерархами, но и в самом томосе об автокефалии Польской Церкви (от 13/XI 1924 г.). По утверждению томоса, эти каноны, будто бы, говорят, что церковное устройство должно сообразоваться с политическим и общественным, от-

¹ «Zeitschrift für Kirchengesch», 1891, XII.

² Епархия Готланд в Хазарии в VIII в. Труды IV Съезда русских академических организаций, I, 149—156.

³ См. А. С. Павлов, Теория Восточного папизма в русской литературе. «Православное Обозрение», 1879 г., декабрь, стр. 753.

куда делается вывод, что в Польше, как независимом государстве, должна получить независимость, т. е. автокефалию, и Православная Церковь.

Даже если бы это утверждение было правильно, отсюда еще не следует, чтобы правильна и законна была автокефалия Польской Церкви, ибо законная автокефалия может быть получена только от законной власти, от Церкви-Матери, каковой для Польской Церкви является Церковь Русская, тогда как претензии Константинопольской Церкви на юрисдикцию над Польской Церковью, являются, как мы видим, необоснованными. Но и самое утверждение томоса об обязательности сообразования церковного устройства с государственным является ошибочным и канонически, и исторически. Ведь, если бы каноны действительно требовали этого, то Константинополь должен был бы дать Финской и Эстонской Церкви, находившихся тогда в независимых государствах, не автономию, а тоже автокефалию. Прежде всего нужно обратить внимание на то, что оба правила вовсе не говорят о разграничении автокефальных Церквей, а говорят лишь о разграничении епархий и приходов внутри автокефальных Церквей и таким образом, в сущности, не имеют отношения к вопросу об автокефалии. А что им совершенно чужда мысль об обязательном соответствии автокефалии с государственной независимостью, видно из того, что в то время в одном Византийском государстве существовали не одна, а несколько автокефальных Церквей, и каноны Вселенских Соборов (I, 6; II, 2; III, 8 и др.) санкционируют такой порядок.

Вселенский Собор в начале указывает совершенно другой принцип церковного разграничения, а именно принцип давности. Епархии и приходы должны сохранять неизменными старые границы, если они существовали не менее 30 лет, а споры о границах должны решать в первой инстанции Соборы митрополии, а во второй или диоцезальный Митрополит (Экзарх) или Константинопольский епископ. «Но еще царской властью вновь устроен или впредь устроен будет град, то распределение церковных приходов (нужно бы перевести «епархий») да последует гражданскому и земскому порядку».

Таким образом сообразование церковного порядка с государственным является отступлением от общей нормы сохранения старого разграничения, обязательным только в одном случае, когда государственной властью будет основан новый город. «Если царь вновь устроит новый город, — поясняет это предписание Аристин, — или устроит когда-нибудь, соседний епископ не должен возбуждать об этом спора и привлекать оный к своей епархии, но должен следовать гражданскому и земскому порядку, так что новый город должен иметь под своею властью епископа той области или епархии, к которой он приписан и подчинен» (Прав. с толк. 214; Аф. С. II. 263). То же говорит и Зонара (Прав. с толк. 213; Аф. С. II., 260—261). И не трудно объяснить, почему в таком случае делается отступление от начала давности. Это начало применимо лишь в городах, давно существующих, и никак не может быть применено к новооснованному городу. Что Халкидонский Собор не мог вынести постановление об обязательности соответствия церковного устройства с государственным, это видно как из 12 его правил, так и из деяний Собора. 12 правило как раз запрещает сообразовать деление митрополий с новым делением провинций, а из соборных деяний видно, что по поводу спора двух епископов из-за границ епархий Собор вынес постановление, что при распределении церковных областей имеют большую важность каноны и церковные обычаи, чем государственные акты (Деян. Всел. Соб. IV, 82—92). Если иногда каноны и в других случаях считаются с государственным разграничением, то вовсе не потому, что такое сообразование является принципиально обязательным, а только потому,

и только тогда, когда это отвечает церковным интересам, благу Церкви. «В каждой митрополии», говорит, например, девятое правило Антиохийского Собора, устанавливая параллельность церковного деления на митрополии государственному делению на провинции, «епископам надлежит ведать епископа, управляющего главным городом митрополии, принявшего на себя попечение о всей митрополии, так как в главный город митрополии отовсюду стекаются все имеющие дела». Итак, несообразование церковного устройства с государственным само по себе, а лишь такое несообразие, которое нужно для блага Церкви, является обязательным. Когда же благо Церкви требует отступления от государственного распределения, правила такое отступление одобряют. К крупным центрам — к Риму, Александрии, Антиохии тяготели уже не одна, а несколько провинций и потому митрополии этих епископов обнимают несколько провинций, нарушая несообразие с государственным устройством, что одобряется шестым правилом I Вселенского Собора. Точно так же и 28 правило IV Вселенского Собора, опять-таки по мотивам церковной пользы, подчиняя не один, а три диоцеза Константинопольскому епископу, нарушает принцип несоирования. И подобных примеров можно привести сколько угодно. И в более позднее время соответствие границ автокефальных Церквей границам государственным существовало лишь тогда, когда это диктовалось мотивами блага Церкви, а в противном случае оно нарушалось, и церковная история свидетельствует, что иногда в одном государстве существовало несколько автокефальных Церквей, а с другой стороны иногда одна автокефальная Церковь простирала свою юрисдикцию на несколько государств. Вальсамон в толковании на второе правило II Вселенского Собора правильно говорит, что в древности (т. е. в IV веке) все Митрополиты епархии (т. е. митрополии) были автокефальны („*αὐτοκεφαλαιὸν*“) и рукополагаемы были своими собственными епископами (Прав. с толков. 86; АФ. С. II, 171), а так как митрополии были почти в каждой провинции, а провинций было в то время в Римском государстве около ста, то и автокефальных Церквей в то время было около ста. В конце IV века Митрополиты объединились в диоцезы или экзархаты, а потом в еще более крупные единицы — патриархаты, но все же число автокефальных Церквей в греко-римском государстве никогда не было менее 6, причем границы их иногда не совпадали с границами государственных территориальных единиц. Например, три автокефальных Церкви — Антиохийская, Иерусалимская и Кипрская находились в одном и том же Восточном диоцезе. В новое время в Турции кроме четырех восточных патриархатов долго сохраняли свою автокефалию Церкви — Сербская (до 1766 г.) и Болгарская (до 1767 г.). Три автокефальных Церкви и одна автономная существовали в Австро-Венгрии. Еще позднее на территории, подчиненной суверенитету Англии, существовали Церкви Александрийская, Иерусалимская и Кипрская. В СССР существуют две автокефальные Церкви — Русская и Грузинская.

С другой стороны некоторые Православные Церкви простирали свою юрисдикцию на территорию нескольких государств. Римская церковь не только обнимала все государства Западной Европы, но простирала свою власть и на часть Византии, долгое время вплоть до Фракийского диоцеза. Император Юстиниан I в 535 г. XI новеллой изъял из подчинения Риму и сделал автокефальной Церковь первой Юстинианы, но 10 лет спустя СXXXI новеллой вновь подчинил ее Риму, Русская Церковь, находившаяся в самостоятельном великом государстве, несколько веков была подчинена Церкви Константинопольской, а свою юрисдикцию над Малорусскою Церковью Константинопольская Церковь сохранила до 1686 г., хотя политически Малороссия вошла в состав России еще в 1654 г. Простирала свою юрисдикцию Константинопольская Церковь на

Польшу, Литву, Молдавию, Валахию, Сербию, Венгрию и подчиненные Англии Ионийские острова (см. Афин. Синт. V, 522—523), она и теперь имеет свои епархии в Западной Европе, Америке и Австралии. Сербская Церковь имела свои епархии в Америке, Венгрии, Италии, Албании и Чехии, Александрийская Церковь в Абиссинии и в Нубии и т. д. Таким образом политическая самостоятельность государства, где находится известная Православная Церковь, вовсе еще не предreshает вопроса об автокефалии и вполне прав величайший авторитет православного богословия Митрополит Московский Филарет утверждая, что «одна Церковь может быть во многих национальностях, во многих царствах» (Собр. мнений и отзывов, V, 694). «Иная точка зрения, как писал Патриарх Тихон Румынскому Синоду в своей грамоте от 5/VI, 1918 г. (№ 1396), покоится на смешении церковной и политической жизни, разнородных по самому своему существу. Государственный меч, как известно, не может сам по себе определять границы поместных церквей».

Из всего этого следует, что политическая самостоятельность Польши сама по себе вовсе не дала право находящейся там части Русской Церкви на автокефалию и что в данном случае, как и всегда, решающее значение должен иметь мотив церковного блага, церковной пользы. Русская Церковь может дать автокефалию Польской Церкви, если придет к убеждению, что ее самостоятельность будет способствовать ее развитию и процветанию, а наоборот, не создаст для нее опасность уклонения в унию или католичество в государстве, где громадное большинство населения принадлежит к католической церкви и где католическое духовенство проникнуто неприязненными чувствами к «восточным схизматикам». Как известно Патриарх Тихон и Митрополит Сергей из-за такого опасения не раз отказывали в признании автокефалии Польской Церкви (см. напр. Грамоту Патриарха Тихона от 23/V 1924 г., письмо Митрополита Сергея от 24/XI 1927 г. № 397).

Изменились ли теперь после Второй Великой войны эти обстоятельства? Конечно, да, но изменились в направлении усиления и умножения мотивов, говорящих против автокефалии. С одной стороны, вследствие гонений прежней Польши на Православие, вследствие военных невзгод и нового распределения границ в Польше осталось гораздо менее православного населения, так что оно стало менее способно к самостоятельной церковной жизни, чем после Первой Великой войны, с другой, в России установились лучшие взаимоотношения государственной и церковной власти, благодаря чему центральная церковная власть может оказать более действительную помощь православному населению, рассеянному в инославном государстве.

Таким образом правила Вселенских Соборов (II, 2; III, 8; IV, 28 и 17), на которые ссылаются защитники новоизмышленной теории об юрисдикции Константинопольской Церкви над всей православной диаспорой, на самом деле не дают для нее никакой опоры и корни этой теории нужно искать никак не в стремлении к восстановлению канонической нормы относительно юрисдикции над диаспорой, а нужно искать в той запрещенной канонами «надменности власти мирския», которая так легко вкрадывается в правящие церковные круги, так много вредит делу церковной правды, любви и мира и так сильно мешает успехам Православия среди отделившегося от него христианского мира. И чем скорее просвещенное Духом Божиим сознание Вселенской Церкви осудит эту папистическую и антиканоническую ересь, тем лучше.

ПРОФ. С. ТРОИЦКИЙ

ЧЕРКИЗОВО

(Краткий очерк истории села. Ильинская церковь)

Черкизово является окраиной Москвы. Чтобы попасть сюда из центра города, надо, пользуясь разными средствами транспорта, потратить около часа времени. После больших и оживленных магистралей, как улица Горького или Садовая, столичного жителя несколько удивляют маленькие и узкие переулочки, тихие и безлюдные, как в дореволюционной провинции. Палисадники с цветами перед каждым домом, зелень во дворах, ставни на окнах. Здесь время течет словно медленнее, тогда как всего лишь в версте отсюда мчатся под землей комфортабельные поезда метро, и тысячи москвичей, озабоченные различными делами, заполняют их с раннего утра до глубокой ночи.

Черкизово — одно из старейших подмосковных сел. Если обратиться к истории, то в XIV в. оно принадлежало некоему Илье Озакову (или Азакову). Не сохранилось сведений о том, какое положение занимал этот человек, но память о нем существует до сей поры в названии небольшой улицы и старинного храма, о котором мы будем писать ниже. Прекрасное местоположение села очаровало Московского Митрополита Алексия, и он приобретает Черкизово у Озакова на «собинное серебрцо» (т. е. на собственные деньги). Святитель любил отдохнуть здесь под сенью густых деревьев в те редкие часы, которые выпадали ему среди множества государственных и церковных дел. Потом, по завещанию выдающегося деятеля Русской земли, Черкизово находилось до секуляризации в числе вотчин Чудова монастыря¹.

Окруженное дремучими лесами и орошаемое р. Сосенкою, Черкизово служило летней резиденцией всех преемников великого архипастыря. Царь Иван IV иногда приезжал сюда на охоту. В позднейшее время особенно любили это место Митрополиты Тимофей и Платон. Первый построил тут новый архиерейский дом, а второй хотел основать Вифанскую обитель, которую учредил потом вблизи от Сергиевой Лавры. Принопамятный Митрополит Макарий (Булгаков) написал здесь два послед-

¹ Известный исследователь церковных древностей, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Леонид отыскал в одной рукописи XVI—XVII вв. отрывок из духовной грамоты Святителя Алексия, которая своим трогательным стилем не может не умилить православного читателя. «Список з духовных грамоты иже во святых отца нашего Алексея, митрополита Киевского и всея Руси, нового чудотворца. Милостью Божией и святых Госпожи Богородицы и святого Великого Архангела Михаила и Гавриила и всех святых небесных сил и великого пророка и Предтечи Крестителя Иоанна и святых прехвальных верховных апостол Петра и Павла и всех святых молитвами спаси душу мою грешную. Се аз смиренный и грешный раб Божий Алексей пишу грамоту духовную целым своим умом. Даю святому великому архангелу Михаилу и честному его чюду села Жилинское, Черкизово, что есмь купил у Ильи у Озакова...». Таким образом вместе с другими вотчинами святителя Черкизово перешло во владение основанной св. Алексием обители, у которой и оставалось до 1764 г.

Храм в честь пророка Илии в Москве—в Черкизове

них (XI и XII) тома своей содержательной «Истории Русской Церкви» и начал XIII, работа над которым была прервана его кончиной.

В путеводителях по Москве, изданных в конце прошлого столетия, Черкизово именуется дачной местностью. Чистый воздух и обилие растительности привлекали москвичей на отдых в этот тихий уголок старой столицы.

* *

*

Большой запущенный пруд. Старые ветлы низко склонили над водой свои ветви. Гладкая, точно зеркало, поверхность отражает облака и просветы между ними, домики и деревья на противоположном берегу. Седовласый старец прогуливался некогда по саду, любясь многообразием цветов, и обдумывая очередную главу капитального труда...

На холме возле пруда стоит старинный храм. От кирпичного здания бывшей богадельни начинается вымощенная камнем дорожка: она отлого поднимается в гору и приводит к святым вратам.

Вокруг церкви — кладбище в ограде. Сквозь ее железную решетку виднеются деревянные кресты — белые, синие, свежеевыкрашенные и поблекшие от времени. Стены храма радуют глаз нежным фисташковым цветом. Над ними высится единственный темносиний купол.

Можно предполагать, что первоначальная деревянная церковь в селе Черкизове была построена упоминавшимся выше Ильею Озаковым во имя св. пророка Илии (т. е. в честь тезоименного ему святого). В начале XVII в. церковь или была уничтожена пожаром, или разобрана за ветхостью. В доказательство этому в писцовых книгах 7131 и 7132 гг. (т. е. 1623—1624 гг.) читаем: «вотчина Чюдова монастыря село Черкизово, по обе стороны речки Сосенки, а в селе была церковь Илии Пророка, да в том же селе двор монастырской, а в нем живут монастырские детеныши...».

Затем храм отстраивается заново, ибо под 7154 (1648) годом показано: «в селе Черкизове церковь Илии пророка древяна, у церкви во дворе поп Иван, да в селе крестьян и бобылей восемь дворов...».

Каменная церковь сооружается взамен деревянной: в самом конце XVII столетия. В переписной книге 1701 г. дается уже ее пространное описание: «в селе Черкизове церковь каменная во имя пророка Илии, да придел Алексея митрополита с трапезною...» и т. д. Отсюда, видно, что второй придел появляется в промежуток времени между 1648 и 1701 гг. Весьма долго Ильинская церковь так и оставалась двухпрестольной. В 60-х же гг. прошлого века храм подвергся реконструкции: был пристроен третий придел и произошло переименование их. Главный освятили в честь Воздвижения Креста Господня, левый — во имя святителя Алексия и правый — пророка Илии, но церковь и по сию пору именуется в народе Ильинскою. Тогда же была воздвигнута и существующая ныне колокольня.

* *

*

Имя св. пророка Илии очень почитается православными. Богомольные русские люди чтут в нем великого ветхозаветного праведника и ревнителя славы Божией. Поэтому в канун праздника верующие в большом количестве стекаются в храм. Часть людей дожидается в притворе и у входных дверей, чтобы вместе с настоятелем и причтом встретить особенно любимого богомольцами Владыку — Митрополита Крутицкого Николая. Ожидающие внимательно смотрят в сторону дороги. Наконец,

радостный трезвон возвещает о том, что архиерейская машина миновала мост и медленно подъезжает к церкви. Открывается дверца, и из автомобиля показывается столь знакомое православной Москве лицо. Святитель входит под сень древней церкви, хор начинает велегласное пение псалма...

Храм не очень велик по вместимости, но необычайно уютен. Главную его достопримечательность составляет старинный иконостас. Строгие линии и темные краски царских врат производят большое впечатление. Фигуры Богоматери и архангела Гавриила (Благовещение, как было принято в древности, изображается наверху), венчики на главах евангелистов украшены по усердию прихожан мелким жемчугом.

В левом приделе останавливает внимание образ на очень редкую в отечественной иконографии тему: исцеление св. Алексием Тайдулы. Пораженная неведомой болезнью очей, супруга хана возлежит на одре, окруженная родственниками и прислужницами. Святитель возложил руку на главу немощствующей и усердно молит Господа о даровании ей исцеления. Люди из свиты Митрополита замерли в ожидании: они уверены, что Всемогущий явит Свою милость во благо Руси и для вразумления неведающих Его.

Очень почитается богомольцами и образ св. Седми отроков Эфесских, перед которым постоянно молебствуют о даровании небесной помощи болящим детям.

В иконостасе правого придела — древний храмовой образ св. пророка Илии. Облеченный во власяницу, стоит в молитвенной позе «вторый предтеча пришествия Христова», благоговейно внима явившемуся ему «во облаце легце» Саваофу. Один за другим подходят молящиеся к этой иконе, и с каждой возженной свечой светлеет вдохновенное лицо угодника.

Поражает своими размерами и хорошим письмом местночтимая икона Божией Матери «Иерусалимская» (прославляется 12 октября ст. ст.). В храме сохранился целый ряд старинных образов — Успения Божией Матери, «Живоносный Источник» и другие.

...После Евангелия происходит, как обычно, помазание елеем. Строгой очередью подходят верующие к владыке Николаю и каждого из них встречает он ласковой улыбкой или приветственным словом.

* * *

Все двадцать семь лет служения в духовном сане настоятеля Ильинской церкви о. Павла Ивановича Цветкова протекли в ее стенах. Ясно, что такое бессменное настоятельство заключает в себе много положительного. И причт и паства привыкли к определенным требованиям настоятеля: спокойный и обходительный характер настоятеля как бы отобразился на внутреннем облике храма. И в дни больших празднеств и в будни богомолец точно ощущает под здешними низкими сводами биение заботливого и преданного делу сердца.

Ревностно трудится о. Павел по благочинию своего большого (второго) округа, стараясь, чтобы и деятельность подведомственных ему московских церквей отличалась такой же четкостью и безупречностью. Весьма часто, когда руководству Патриархии нужно отыскать для ответственного поручения человека, который выполнил бы его с особенной тщательностью, вниманием и тактичностью, выбор падает на скромного и исполнительного протоиерея. Благодаря знанию людей и присущей ему мягкости, — не исключаяющей, когда этого требуют обстоятельства, и настойчивости, — о. Павел всегда оказывается достойным такой чести.

Есть у о. П. Цветкова и маленькая слабость, заслуживающая всяческой похвалы и подражания. Всякий раз, когда он свободен от священнослужения, его можно видеть на правом клиросе за регентским пультом. Едва заметными движениями рук, чуточку склонив голову на-бок, с громадным увлечением управляет настоятель небольшим хором Ильинского храма. Здесь любители и знатоки церковного пения могут услышать сложные и редко исполняемые произведения, как «Благослови, душе моя, Господа» Извекова, «Великое славословие» Велеумова и др. Лишенное малейшей претенциозности, стройное и мелодичное пение, услаждая слух молящихся, еще более усиливает прекрасное впечатление, которое оставляет одна из древнейших церквей Москвы.

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПЕРВОХРИСТИАНСТВЕ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Тема о первом периоде христианства у южных славян продолжает оставаться животрепещущей до наших дней. Теперь интерес к ней увеличился и заострился в связи с тем, что Ватикан и его нецерковные покровители, озабоченные усилением католической агрессии в славянских странах, пытаются «рассудку вопреки», обосновать «римское» историческое старшинство в Балканском христианстве. Ватикан и его служители на ниве церковной истории непрочь всерьез говорить даже, что свв. Кирилл и Мефодий, чуть ли не обличители восточного Православия с позицией римского католицизма!

* *
*

В территориальном отношении мы имеем в виду славян, живших в нынешних: Чехословакии, Югославии, северной части Греции, Болгарии, Румынии, Венгрии и Закарпатской Украине.

В моей небольшой работе «Великие просветители славянства свв. Кирилл и Мефодий» («Журнал Московской Патриархии» № 7, 1946 г.) на стр. 35—37 показаны и приблизительное размещение южных славян и основные факты их государственно-общественной жизни в VI—IX вв. Во избежание повторений прошу читателя обратиться к указанному источнику прежде ознакомления с дальнейшими строками этой статьи.

Известно, что массовое продвижение славянских племен на юг от Дуная в пределы Восточной Римской империи (впоследствии Византии) начинается еще в конце четвертого и в начале пятого века по Р. Х. Не менее известно, что продвижение проходило в разных формах: то в форме вооруженных набегов, то мирного вселения на свободные земли империи. К VII веку смежные с Византией районы северной части Балканского полуострова представляли территорию, почти сплошь населенную славянами. Распространение славян на юг не носило характера поголовного ухода с исконных мест жительства; оно приближалось больше к выделению избыточного населения. Так, например, если мы встречаем в этот период на далеком юге крупные группы сербов и небольшие прослойки родственных им, но менее подвижных хорватов и словенцев, то основная масса сербов и их сородичей обитает попрежнему в верхней Венгрии, на юге позднейшей Польши, в Силезии, Галиции. В порядке постепенного раздвижения они обживают все прочнее территории позднейших Сербии, Герцеговины, Черногории и части Боснии.

К IX веку мы с достаточным основанием можем засвидетельствовать наличие во внутренних районах Византийской империи целых областей

с преобладанием в них славянского населения. Таковы: Македония (в особенности район г. Солуни с тяготеющими к нему местностями), Морья, Опсихия. Славянскую прослойку мы видим и на побережье Черного моря, Пропонтиды, Босфора и во внутригреческих: Фракии, Эллады, Фессалии, Пелопоннеса и на островах Эгейского и Ионического морей. Много славян жило и в самом Царьграде, составляя заметную часть торгового и ремесленного населения столицы, особенно ее окраины и ближайших окрестностей. Профессор А. Будилевич в своей работе: «О греко-славянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия» (Варшава, 1885 г., стр. 9), к сожалению, не упоминая источников, указывает на непрерывную, «ежедневную» связь между собою славян, отделенных одни от других значительными расстояниями.

Значительные массивы земель для славян земледельцев в центре Балкан были отведены византийским императором Ираклием (610—641 гг.).

Тяга славян на юг и юго-восток, а не на запад, объяснялась тем, что в странах последнего, по образному выражению того же А. Будилевича, славяне «на законном основании» незамедлительно закреплялись на положении илотов, сиречь полурабов. Византийское законодательство и хозяйственная практика более благоприятствовали новоселам.

Более, чем достаточное количество источников свидетельствует о том, что многие тысячи славян служили в византийских войсках. Гвардию императора Юстиниана II составлял 30-тысячный славянский отряд под командованием славянина Небула.

Таким образом, очевидна очень прочная и многосторонняя связь южных славян и греков с далеко идущими последствиями. Не станем отрицать, что в определенные периоды у Византии были широко агрессивные замыслы в отношении всех славянских земель. Но у Запада они были еще шире, а осуществление их более кровопролитны и с худшими последствиями для жертв агрессии. При этом обращаем внимание на обстоятельство, стоящее серьезных размышлений: покорившие славян древней Мизии тюрко-татарские племена болгар сами скоро и начисто растворились и, потеряв свой язык, обычаи, а с поколениями даже облик, полностью приняли таковые от побежденных. Единственным следом покорителей осталось данное ими стране свое название — Болгарии (в силу этого парадокса и славяне этой страны стали впредь именоваться болгарами). Славяне же, жившие между греками, не только полностью сохранили весь национально-этнографический облик, но, напротив, без всяких усилий с их стороны вводили свой язык в лексический обиход греков. Солунь и многие другие города Византии сделались двуязычными. «Солуняне все чисто (т. е. поголовно) словенскы беседуютъ», — справедливо отметил в IX веке император Михаил III. Это, конечно, не дает нам права говорить о равенстве культур.

Но уже одно это повергает в прах домыслы ярчайшего выразителя крайнего ультра-скептицизма в церковно-исторической науке проф. Е. Е. Голубинского, утверждавшего, что «греки... по отношению к славянам водились (т. е. говоря русским языком — руководились. Н. В.) единственно чувством отвращения к ним, как к варварам» («Краткий очерк истории Церквей: Болгарской, Сербской и Румынской», стр. 17). Кстати сказать, проф. Е. Е. Голубинский здесь просто, пренебрегая фактами, проявляет свой общий взгляд на «варварство» славян, продлевая период культурного варварства, чуть ли не до XVII века. Совершенно ясно, что языка «варваров», к которым относятся к тому же «единственно с отвращением» «цивилизованные народы» в свой обиход не вводят!

За недостатком места не будем затрагивать вопроса о деятельности апостолов в I веке по Р. Х. Укладываясь в хронологические рамки настоящей статьи, отметим безусловный факт очень раннего проникновения христианства к славянам. И в первую очередь с Востока, а не с Запада.

Обоснованнее всех других будет предположение, что древнейшими христианами-славянами были те из них, которые обитали в Малой Азии. Время принятия ими христианства — как правильно говорит в цитированной нами работе проф. А. Будилович — «уходит, повидимому, в такую седую древность, о которой мог бы рассказать разве Евсевий Кессарийский или, пожалуй, Прокопий, если бы они обратили внимание на этих славян. Удивительно ли, — продолжает он, — что склоны малоазиатского Олимпа гораздо раньше покрылись церквями, монастырями, кельями, чем ущелья Олимпа македонско-фессалийского и даже подножья святой впоследствии горы — Афона!». Лаодокия, Пергам, Сарды, Смирна, Фиатир, Филадельфия и Эфес — эти благодатные сильнейшие очаги древнейшего христианства были уже в описываемый период значительно пополнены прозелитами-славянами.

Объективный и внимательный церковный историк архиепископ Макарий еще 80 лет тому назад в своей «Истории христианства в России до равноапостольного кн. Владимира» (стр. 46—93) подтвердил солидными документальными данными существование еще в III—IV вв. христианских общин и епархий на территории нынешних: Крыма, южного Приднепровья, Молдавии и в районе устья Дуная и наличие в числе христиан славян. Схема Макария позднейшими скептиками всерьез не нарушена.

Что касается задунайских славян, есть все основания полагать, что в их среду свет веры Христовой стал проникать яркими лучами за несколько столетий ранее всенародного крещения болгар, имевшего место, как известно, в середине IX века. Незаслуженно полузабытый славист проф. Н. А. Лавровский в небольшой работе 1885 г. «Кирилл и Мефодий и начало христианства в России» дает правильное объяснение той, на первый взгляд непостижимой, быстроты развития христианского просвещения в Болгарии во второй половине IX века. Подытоживая результаты предыдущих изысканий, автор утверждает, что массовое крещение болгар завершает более ранний многовековый период постепенного внедрения христианства.

Какими каналами проникало к славянам христианство? Вполне понятно, что жившие среди греков непосредственно просвещались их пресвитерами и епископами. Если греки Солуни, Эфеса, Царьграда, Морси и пр. говорили по-славянски, то трудно допустить, чтобы славянские обитатели этих городов и местностей не понимали греческого языка.

Как это ни трудно предположить, но допустим, что действительно греческое духовенство столь кощунственно, как уверяет Е. Е. Голубинский, относилось к своему долгу, что не проповедывало Истины Христовой, коль скоро перед его глазами не сверкали великие и обильные драхмы. (При этом прошу Господа о прощении мне такого, хотя бы и условного, поношения памяти великих светильников греко-восточного Православия IV—VIII вв. по Р. Х.). Но даже такое допущение не исключает бесспорных фактов: введения пастырями проповеди среди своих прихожан, крещение желающих обратиться к истинной вере (независимо от национальной или племенной принадлежности обращаемых) и поставление иерархами греческой Церкви священнослужителей для новых общих христиан-прозелитов, в том числе и в местностях, находящихся за пределами империи.

Во всяком случае, всесильная истина Христова распространялась даже вне зависимости от степени активности священнослужителей потому, что она — истина. Естественно, что наиболее быстро распространялось христианство в его византийских центрах. Столь же естественно предполагать наличие смешанных греко-славянских приходов в местах смешанного жительства греков и славян. Но и в этих местах, начиная с VII и первой половины VIII века (Царьград и др. города) мы уже видим церкви, построенные славянами.

Исследователи справедливо отмечают выдающуюся роль в широком территориальном распространении святой веры славянам — военнослужащим византийской армии и славянам — византийским военнопленным, а также грекам — славянским военнопленным. Славяне, служившие в войсках империи, в старости возвращались в родные края.

Заслуги пленных в деле Христовом особенно велики в Болгарии в начале IX века. Князь Крум (по другой транскрипции Круб или Крем), язычник, был не столько завоевателем, сколько руководителем крупных опустошительных набегов в сторону собственно Греции и Венгрии. Он особенно памятен уводом в плен огромного количества не только воинов, но и масс мирного населения; размещал он их во внутренних районах Болгарии. Все исследователи, начиная от архиепископа Макария, говорят, что пленными была наводнена вся страна. В числе их было немало христиан-священников и даже два епископа. По национальному составу пленники были смешанными: и греки, и славяне. Не знаем количества обращенных ими в христианство, но во всяком случае оно было немалым: пленники не жили изолированно, они были расселены среди местного населения.

Византийские источники говорят о большой проповеднической активности пленного духовенства. Преемник Крума, Мортагон, обеспокоенный серьезной угрозой язычеству, прибегнул к карательным мерам: он казнил Андрианопольского епископа Мануила и многих других священнослужителей. Вероятно, за религиозной проповедью ему мерещилась византийская политическая пропаганда. Как и следовало ожидать, преследование христиан дало результаты, противоположные ожидаемым, и Мортагон возвратил почти всех плененных домой. Но в Болгарии уже была заложена прочная основа христианства; усилиями и задержавшихся в стране пленных и местных новообращенных оно ширилось, проникая даже за стены княжеского двора. По свидетельству архиепископа Феофилакта в начале IX века были случаи обращения в христианство отдельных членов княжеской фамилии.

Массовое крещение в Болгарии происходит, как известно, при князе Борисе в 60 годах IX века. Оно проведено было очень быстро, по выражению Царьградского Патриарха Фотия «неожиданно». Это подтверждает, что данный акт явился завершением длительного исторически закономерного процесса.

Почти одновременно христианство распространяется на влахо-молдавов (румын); шло оно к ним, примерно, такими же путями, как и к болгарам. Источник его (Византия) — тот же самый.

Сложнее разрешается проблема христианизации сербов. Повидимому, инициатива крещения сербов принадлежала в какой-то части упоминавшемуся нами византийскому императору Ираклию. Император при этом, надо думать, был далек от агрессивных замыслов, ибо, во-первых, он не допускал при этом ни малейшего нажима, во-вторых, он, по свидетельству Константина Багрянородного (Порфирогенита), пригласил для сербов священнослужителей от папы римского, а не от Царьградского Патриарха.

Повидимому, посланцы папы особого рвения не проявили, так как, судя по многочисленным, правда, косвенным (за отсутствием прямых) указаниям окрещено было менее половины сербов. Отдельной епархии папой так же учреждено не было.

В первой половине VIII века по инициативе императора Льва Исавра сербские земли вошли в церковное подчинение Царьградского Патриарха. Никаких следов просветительной деятельности римского духовенства до нас не дошло и вообще отражения римского влияния на дальнейшей церковной жизни сербов вовсе не заметно. Массовое обращение сербов в христианство происходит в течение первого десятилетия после такового же у болгар.

При этом характерно, что движение на этот раз идет, так сказать, сни-

зу, из недр народных. Представители рядовых масс народа непосредственно обратились в Константинополь (Царьград) с просьбой о присылке к ним священнослужителей в достаточном числе.

Неоднократно цитированный нами проф. Е. Е. Голубинский является, кажется, единственным церковным историком, который проводит знак равенства между церковной политикой царьградских патриархов и римских пап. Только мотивы, побуждающие их к расширению территории христианства, выставляются различные: для пап — идея мирового господства, для патриархов — корыстолюбивые побуждения. На самом же деле, разница огромна и глубокопринципиальна. Если К. Я. Грот (в своем «Взгляде на подвиг славянских первоучителей», стр. 20) еще в 80-х гг. прошлого века считал, что «Рим, кажется, ныне дошел до последнего предела вражды и ненависти к православному Востоку», то в сороковые годы XX в. предел вражды к славянству папством оказывается далеко превзойденным. Ныне всеми, кто способен объективно мыслить, признается, что в основе политики папства всегда лежали нецерковные идеи миродержавия.

В осуществлении этой идеи у папства «на вооружении» всегда сплетались крест и меч или, как позже говорили, крест и маузер. Принимая в качестве основного тактического средства древне-римскую захватническую формулу: «разделяй и властвуй», папство несло славянам и постоянную угрозу немецкого меча и раздор между самими славянами.

Не будем прикрашивать и византийскую политику. Нет слов, некоторые императоры использовали крещение славян в целях политического подчинения славянских народов через посредство подчинения церковно-иерархического. Допускаем, что и болгарский князь Борис в известной степени руководился политическими соображениями, объявляя христианство в Болгарии религией господствующей и особо покровительствуемой.

Но какая огромная разница в устремлениях между папством и православным Востоком! Православный Восток нес славянству прежде всего мир и великие идеи истинной любви и дружбы между народами. Папский Запад нес ему не только межнациональную рознь, но и перспективу десславянизации. Проповедь христианства, по справедливому замечанию лингвиста, проф. П. А. Кулаковского, шедшая к славянам из Рима через посредство немцев, всегда имела скрытые задние цели амальгамировать народы, отняв у них и язык, и надежды на национальное, особое развитие, в то время, когда Запад ширил христианские истины среди народов огнем и мечом, с Востока шла к славянам мирная проповедь веры и любви на их языке.

Конечно, христианство вообще, откуда бы оно ни шло — с Востока или с Запада — открывало доступ в семью более образованных народов; только оно давало в те века возможность устройства общественных форм бытия на основе высоких нравственных начал, провозглашенных Христом.

Но вместе с тем внешняя организация Церкви, ее иерархическая структура были таковы, что при римских носителях христианского просвещения славянство имело бы церковного главу в лице папы, а это, как мы уже сказали, вело к политическому и национальному поглощению славянства немецко-католическим Западом. Проповедники византийского Востока несли славянству духовного главу в лице Царьградского Патриарха. Последний же, находясь в значительной зависимости от императора, мог по церковной линии возглавить политическую агрессию Византии.

Выход был в нецерковной (на первый взгляд) сфере: укрепление национального сознания славян, освоение передовой иноземной культуры как средства для создания своей собственной равной или более высокой культуры. Но в том то и дело, что православный Восток, даже вопреки намерениям императоров, такие возможности славянству открывал, Запад — загораживал.

Латинская культура была чужда славянству. Запад в то время переживал длительный период упадка образованности. Византия (что часто забывают исследователи) того времени тоже деградировала в культурном отношении. Но во всяком случае, Византия в VIII—IX вв. стояла гораздо выше римско-франкского Запада.

Греческая культура, быт, язык, благодаря вековым живым связям, более близки славянам. Овладевая ими, славяне не растворялись в них и не поглощались ими. Очень и очень многие греки владели славянскими языками и наречиями. А главное — они не препятствовали их развитию. «Латиняне» же, как только проникали куда-нибудь, немедленно раскрывали свое экспансивно-агрессивное лицо.

Так было и в Болгарии при князе Борисе. Желая обеспечить возможно полную независимость от Византии, в том числе и по линии церковной, и в то же время в интересах сближения со своими западными временными и ненадежными союзниками, Борис обратился в 866 году к папе с просьбой дать Болгарии епископов во главе с «автономным» архиепископом. Последнего папа пока не дал, но экстренно послал в Болгарию легатов, которые столь же экстренно стали первым долгом ломать все то, что отличало «латинское христианство» от Восточного Православия: проводили новое миропомазание священства, изгоняли женатых священников, предписывая субботний пост, вводили богослужебные «латинские» новости и т. п. («Фульдская летопись», записи 867 г.).

Рост возмущения в стране дошел до князя. Борис своею властью выгнал из страны рьяных «латинизаторов» и Болгария получила от Византии архиепископа и епархиальных архиереев. Сам Борис, по словам многих современников, после описанных перипетий стал человеком очень высокого православного благочестия. Последние годы жизни он провел в иночестве.

При унаследовавшем болгарский престол после Бориса князе Симеоне православное восточное христианство вступает в эру расцвета и торжества. Справедливо церковные историки сравнивают Бориса со св. равноап. Владимиром, а Симеона — с Ярославом Мудрым.

Раньше всего нужно напомнить читателю, что и византийские и арабские и даже «латинские» повествования и документы IX и даже предыдущих веков довольно единодушны в свидетельстве о таких характерных для славян качествах, как их свободолюбие, несклонность подчиняться чужим авторитетам, высокое сознание общности своих нравственных интересов, традиция все жизненно важные вопросы решать сообща («миром»), сильный и — при всей независимости суждений — восприимчивый ум; после же принятия христианства — живая и глубокая вера, глубокое чувство, притом без фанатизма. Совокупностью этих качеств объясняется чрезвычайная быстрота роста христианского просвещения у славян. А быстрота была действительно трудносравнимой.

Не учитывающие изложенных качеств славян исследователи становились втупик и пускались в причудливые объяснения. Чем объяснить, например, появление на «дикий» Руси через полстолетия после принятия христианства, такой жемчужины письменного творчества, как превышающего все современные византийские достижения «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона? Это «исключительное и загадочное явление» — отвечает историк (Е. Голубинский. Ист. Русской Церкви, т. I, 1-я пол.). А вдохновенные творения преп. Феодосия? «Это был исключительный человек» вещает тот же автор. А талантливый епископ Кирилл Туровский? «Исключительный и случайный представитель». А такое произведение народного эпоса, как «Сфинкс, необъяснимое явление» и т. д. и т. п. А выдающиеся общеизвестные произведения болгарской письменности X века? «Выдающаяся случайность».

В итоге, сознавая всю несостоятельность объяснений случайностями и исключениями громадного количества выдающихся фактов церковно-культурной жизни, запутавшиеся люди растерянно объявляют, что в России-де при Владимире и Ярославле Мудром, а в Болгарии — при Борисе и Симеоне произошла под влиянием подавляюще-превосходящей современной им византийской культуры некоторая вспышка просвещения, вслед же затем просвещение кануло в небытие и «начинается царство одной грамотности, и то с сомнительным разумением читаемого» (Ibidem, стр. 580 и след.). Еще раз подчеркиваем, что византийская церковная литература в IX и X веках переживает острый период упадка; недостаток смелого мышления не искупается утонченной по форме, но слабой по существу диалектикой и риторикой.

Совершенно ясно, что славянство, принимая выработанные византийской, а отчасти и западной культурой литературные формы, осваивало их по существу и, не копируя их, «влагало в них свое, живое содержание» (Лавровский, цит. раб., стр. 4). И еще яснее, что благодатные семена и византийской православной культуры вообще и великих славянских первоучителей свв. Кирилла и Мефодия, в частности, пали и на плодородную и на предварительно удобренную почву.

Великие события не совершаются «вдруг». Христианскому просвещению славян в IX—X веках предшествовал долгий и сложный процесс возникновения и постепенного развития отечественной письменности, начиная с его примитивных форм. Такие эпохальные явления зреют веками; носителями новых начал являются долгое время наиболее талантливые и передовые деятели, затем в силу исторической закономерности эти явления становятся достоянием все расширяющегося круга людей. По сугубо справедливому замечанию того же проф. Лавровского «все недоумения (вроде вышеизложенных) происходят от неточных представлений о состоянии славян (до их массового крещения), что это состояние вовсе не было так первобытно, что они задолго (до массового крещения) стали приобщаться христианству и его просвещению, и, что произведения, так удивляющие нас теперь, имели перед собой гораздо более продолжительную школу и могли развиваться естественно и органически». О наличии письменности у славян в IX и предыдущих веках давно говорят такие представители столь различных лингвистических и исторических школ, как Калайдович, Карамзин, Шафарик, Викторов, Срезневский и наш церковный историк Митрополит Макарий Булгаков (последний, правда, осторожно). Все они, не говоря уже о новейших славяноведах, во многом обогативших наши познания, утверждают, что славянская письменность корнями своими уходит в языческую древность. До изобретения Кириллицы и «Глаголической буковкицы» славяне пользовались «чертами», «резами» и т. п., а также буквами латинскими и греческими. Действительно, в так называемой Фрейзингенской рукописи X века, две славянских формулы исповедания и поучения, написаны латинскими буквами. Есть, впрочем, основания думать, что какие-то славянские местные алфавиты были у славян до свв. первоучителей, ибо, действительно, говоря словами Преосв. Макария, «высокие достоинства славянской речи в переводе Свящ. Писания, принадлежащем свв. Кириллу и Мефодию; такие достоинства, которые делают почти невероятным, чтобы столь совершенному труду славянских апостолов не предшествовало несколько других, менее удачных попыток, чтобы можно было... с первого раза найти такие богатые слова и обороты для выражения самых возвышенных истин Божественного Откровения» («История Христианства в России до св. равноап. князя Владимира», стр. 148).

Великим славянским апостолам принадлежит неопценимая заслуга создания общеславянского литературного языка. Они — великие завершители векового процесса приспособления устной речи для письменного

выражения содержания народной жизни. Рост экономических и бытовых связей между славянскими племенами и этнографическими группами сближал, усложняя ее устную речь и породил развитие письменной речи; рост двухсторонних связей с неславянскими народами содействовал развитию все более сближающихся этимологических и синтаксических форм. Сближались славянские наречия.

Анализ уставного письма в древнейших славянских рукописях приводит к интересным выводам. Прежде всего: славяне IX—X веков не заимствовали у греков их современного уставного письма. Зато мы видим многочисленные следы заимствования у греков VI—VII веков.

История сохранила нам следы официальной письменности славян. Еще Д. И. Иловайский в 1882 г. («Разыскания о начале Руси», стр. 224) обратил внимание на наличие письменных договоров между греками и болгарами в восьмом веке. Один из них был подписан сторонами в 714—715 гг., второй—в 774 г. Переписка, возникшая в связи с ними несколько позже, показывает, что договаривающиеся стороны располагали экземплярами, написанными на языках обеих сторон.; по содержанию же—договоры устанавливали объем, условия и процедуру торговых и политических отношений. Исследователь указывает на большое сходство их по формам с русско-греческими договорами X века, что, по резонному мнению Лавровского, «свидетельствует о том, что и наши договоры X века, без сомнения, имели своих предшественников, как и болгарские договоры VIII века».

Гениальность св. Кирилла проявилась, между прочим, и в его необыкновенной филологической чуткости, которая сказывается в том, что при создании общеславянского литературного языка (при отсутствии такового же общего разговорного) ими были учтены все местные наречия. Кстати, это свидетельствует лишний раз о наличии и в Солуни и особенно в Царьграде представителей почти всех славянских народностей.

Общеславянская письменность, переводы книг Св. Писания, сделанные славянскими апостолами, перешагнули скоро через Карпатский хребет, переправились через Прут и Днестр и начали победное триумфальное шествие по Руси, где почва для христианского просвещения так же была удобрана, как несколько раньше в южнославянских странах. В будущих специальных работах на страницах академического «Богословского Вестника» надеемся обосновать тот факт, что в X веке Киевская Русь получала и переводные книги Св. Писания и Св. Предания и священнослужителей не только из Византии, но также из Болгарии и из земель моравских, угорских, галицких.

Оканчиваем эту статью тем же, с чего она и начинается. Оспаривая честь первенства в деле христианского просвещения славян, историческая пресса Ватикана и местных католических церквей продолжает попытки извратить свою собственную католическую историю. С особенной энергией она поддерживает мнение о том, что, якобы, по отношению к славянам папы сделали исключение, разрешив совершать богослужение для новообращенных на местных языках. Продолжают также утверждать, что Рим поддерживал великое дело Кирилла и Мефодия и их учеников и приемников, а последние, в свою очередь, якобы полностью поступились всеми ортодоксальными чертами восточного Православия.

Но католические историки не в состоянии отрицать, что папство всегда во главу угла ставило политические соображения. Пытаясь направлять мирскую политику, и далеко не всегда располагая достаточными для этого материальными мирскими ресурсами, оно неизбежно должно было изменять линию своего поведения в зависимости от общей гражданско-политической обстановки. Действительно при папе Иоанне VIII мы видим снисходительное отношение к славянскому языку, как богослужебному. Но это продолжалось немного лет. А главное такой изгиб линии папства

объясняется сугубо «земными» и к тому же скоропреходящими причинами: интригующий против группы вышедших из послушания немецких князей папа старался этим противопоставить славянство немцам. Но как только нужда в этом не весьма красивом дипломатическом демарше миновала, круто изменилось отношение к упомянутому вопросу.

Совершенно очевидно, что Рим не мог поддерживать и восточно-православного просветительства среди славян. Мы уже видели, как вели себя папские посланцы, когда они при князе Борисе дорвались на короткое время до Болгарии. Да и травля св. Кирилла во время его визита в Италию также не исчезла из нашей исторической православной памяти.

Не приходится за отсутствием всяких оснований к этому подозревать в доброжелательном отношении папства к св. Мефодию и его преемникам. Рим предполагал использовать его в своих целях. Но, не возражая против формального вхождения Велико-Моравского княжества в диоцез римского архиепископа, Мефодий и его сослужители были непоколебимы в отстаивании восточного, истинно-православного богослужебного и обрядового уклада. Католики ныне не могут возражать против того факта, что папа Стефан VI объявил св. Мефодия отлученным от Церкви, поразил его церковным проклятием, как «еретика»; попытки новейших Гинцелей, Лежеров и им подобных объявить пресловутое послание Стефана VI потерпели крах после того, как английский ученый Эвальд неопровержимо доказал подлинность документа. Независимо от этого, подлинность факта подтверждается и последующими событиями: тот же Стефан VI после кончины св. Мефодия усиленно навязывал Моравии своих ставленников и при этом крупнейшей их заслугой считал именно борьбу против подвижника.

НИКИТА ВОЛНЯНСКИЙ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕНГЕРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА О СВОЕМ ПОСЕЩЕНИИ МОСКВЫ

Вскоре после последнего Поместного Собора Русской Православной Церкви в 1945 г. Венгерская Православная Церковь обратилась к Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси Алексию с просьбой принять нашу Церковь под Его руководство.

В результате начавшихся переговоров по этому вопросу мы, представители Венгерской Православной Церкви, Др. Варью Янош — протоиерей Будапештской Православной Церкви и теолог Луканич, Мирон Георгиевич самолетом 7 сентября 1947 г. отправились в Москву для беседы по вопросу о выполнении желанной цели.

Неизъяснимое чувство мы испытали, будучи в самолете, любуясь на пути бесконечными равнинами Руси, и ее украинскими полями, а в конце пути панорамой старинного города Можайска.

На аэродроме нас встретил о. протоиерей А. Смирнов, который год тому назад посетил нашу Церковь. С настоящей русской любовью приняли нас в Московской Патриархии и любезно пригласили нас на автомобиле посмотреть иллюминированную Москву, поскольку мы прибыли в день ее славного 800-летнего юбилея. Москва была необыкновенно феерична! Взвизывающийся фейерверк освещал Кремль с его древними стенами, башнями и зданиями, море разноцветных огней — все это превратило Москву в сказочный город, где безчисленное количество радостных и счастливых людей горделиво любовались Столицей России вместе с нами.

Насыщенные обилием впечатлений мы прибыли в прекрасную гостиницу «Националь». На другой день мы отправились в Венгерское Посольство, помещающееся на улице Воровского. На пути к посольству, наблюдая из автомобиля, мы были поражены изумительной чистотой улиц, их прямизной, обилием великолепных автомобилей при образцовом уличном порядке.

Красивое старинное здание Венгерского посольства, куда мы прибыли, с его великолепными залами и обстановкой нас очаровало.

После официального визита Послу мы ровно в 2 часа дня прибыли в Московскую Патриархию на прием к заместителю Его Святейшества Митрополиту Николаю.

С теплым вниманием принял нас Высокопреосвященный Митрополит Николай, беседуя с нами доверчиво и ободряя нас, как духовный отец. Мы чувствовали, что Господь помогает нам, ведет нас по желанному пути и сама Москва принимает в нас участие. Мы были, как во сне. С чувством глубокой благодарности мы будем всегда вспоминать проведенные часы бесед с Высокопреосвященным Митрополитом Николаем, о. о. протоиереями А. Смирновым и Г. Разумовским, которые ободрили нас и открыли.

После того, как мы выполнили свои полномочия по отношению к нашей Церкви, мы решили осмотреть Москву с ее святынями и достопримечательностями.

Члены делегации Венгерской Православной Церкви на приеме в Московской Патриархии

Несмотря на то, что был будничный день, мы всюду видели переполненные молящимися громадные московские церкви. Мы исполнились, с особой силой, чувством сознания, что наша Русская Православная Церковь живет свободно, счастливо.

В церкви, где настоятелем является о. протоиерей А. Смирнов, я имел счастье принять участие в богослужении в день памяти святого князя Александра Невского и сделал много священнических возгласов на родном венгерском языке. В московской церкви на венгерском языке! Это обстоятельство лишний раз свидетельствовало о признании нашей Венгерской Церкви. Я был растроган вниманием молящихся к о. Александру, которые в день его Ангела преподнесли ему массу подарков, а я в знак памяти и благодарности за все подарил ему старинные четки времен XVI столетия.

Глубокое и радостное чувство мы пережили в кругу семьи о. Александра, на его загородной даче. Здесь мы встретили радужные, любовь и высокую культуру членов семьи о. Александра. Я думал про себя: «Как, наверное, он счастлив, что живет в таких условиях!»

За недостатком времени мы не могли осмотреть все святыни Москвы. Так, собор святого Василия Блаженного и Кремль мы осмотрели только снаружи, любуясь архитектурой церковей и кремлевскими стенами с его золочеными башнями и рубиновыми звездами на них. Все это говорило о глубокой древности Москвы и навевало много дум.

Мы не можем умолчать и о нашем посещении Троице-Сергиевой Лавры, отстоящей от Москвы в 70 км. Был будничный день, но храм был наполнен молящимися. В храме находятся святые мощи Преподобного Сергия и к ним подходят и лобызают их непрерывно богомольцы.

Мы вошли в храм во время богослужения и были удивлены прежде всего звучным и мерным пением монахов. Здесь мы встретили тоже радужные и любовь.

После богослужения мы осматривали достопримечательности Лавры. Пред нашим взором предстала богатейшая ризница, где сохранились до сего времени древнейшие памятники искусства. Здесь хранятся масса церковных одежд, шитых настоящим жемчугом, митры, кресты, пангии, украшенные настоящими диамантами, сапфирами и рубинами. Нам был показан крест ручной работы, сделанный из горного алмаза. Все сокровища, хранящиеся здесь, по красоте не поддаются описанию.

В монастыре сохранились бывшие покои Митрополита Платона, где остались до сего времени предметы и вещи, ему принадлежавшие. В залах всюду чистота и чувствуется особо любовное отношение к хранящимся реликвиям.

Около церкви преподобного Сергия, находится очень древняя церковочка в честь преподобного Михея, где все красиво и миниатюрно. Нас поразили и самые стены Лавры, окружающие все святыни. Отец Александр, сопровождавший нас во время поездки в Лавру, объяснил нам, что здесь когда-то монахи отразили поляков. Эти стены находятся в хорошем состоянии и сохранились даже художественные фрески, одна красивее и богаче другой. Во всех храмах Троице-Сергиевой Лавры сохранились также фрески и иконы, относящиеся, некоторые из них, к XIII и XIV столетиям. Везде иконостасы сверкают золотом. Даже купола на церквях всюду покрыты золотом и ярко блестят, особенно при солнечном свете.

Нельзя, наконец, не сказать и о гражданских учреждениях Москвы и еще раз о самой Москве. Москва вся покрыта широкими, удивительно чистыми, асфальтовыми улицами, широкими тротуарами, красивыми и громадными зданиями. Всюду забота о человеке.

Мы посетили великолепное метро, где все вызывает удивление. Все станции метро из мрамора, полны скульптурных статуй, вылитых из

Протоиерей г. Будапешта о. Иоанн Варью вручает Митрополиту Николаю заявление о приеме его в юрисдикцию Московской Патриархии

бронзы и одна красивее другой. В вагонах метро и на станциях всюду особенная чистота и порядок.

Мы видели мавзолей Ленина — это красивое, монументальное произведение советской архитектуры. Мы видели древние строения, особой красоты, что превышает всякое воображение.

Мы были в Третьяковской картинной галерее, где пред взором прошло множество художественных сокровищ, исполненных величайшими художниками и расположенных в великолепных залах. Мы видели произведения искусства, которые относятся к XIII столетию и которые удивительно хорошо сохранились. Необычайное зрелище! Трудно сказать, что нам больше всего понравилось, так как мы все осматривали с захватывающим дыханием и не могли насмотреться.

Нас поразили прекрасные и монументальные мосты через реку Москву, построенные руками рабочих в годы советской власти.

Мы поднимались на Ленинские горы (быв. Воробьевы горы), откуда любовались общей панорамой Москвы, утопающей в архитектурных зданиях и зелени. Дома, церкви, монастыри — все говорит о любви москвичей к своей Столице и о трудовом порыве русского народа. Только здесь я понял, почему Наполеон, Гитлер и другие варварские народы так упорно стремились завладеть этим старинным городом.

Самолет через Киев увез нас обратно домой, наполненных глубокими и ценными воспоминаниями, полученными от братьев по Алтарю и от СССР. Перелет закончился благополучно. Группа моих прихожан встретила меня у самолета, которым я с радостью и любовью мог сообщить, что по Милосердию Божию и любви Его Святейшества, Патриарха Алексия, мы надеемся на скорое оформление нашего воссоединения с Русской Православной Церковью.

**Д-Р ВАРЬЮ ЯНОШ, ПРОТОИЕРЕИ БУДАПЕШТСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

ИЗ ЖИЗНИ НАШИХ ЕПАРХИЙ

ИЗ КИЕВСКОЙ ЕПАРХИИ

9 октября 1947 г., в день памяти св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, стольный град Киев и вместе с ним вся Украина праздновали день тезоименитства Высокопреосвященного Иоанна, Митрополита Киевского и Галицкого, Экзарха всея Украины.

8 октября в 5 ч. 30 мин. вечера звучный колокол Владимирского кафедрального г. Киева собора возвестил верующим о начале торжества.

В сослужении Высокопреосвященному Экзарху всеобщего бдения приняли участие три епископа, восемь протоиереев и двадцать два священника.

Торжественное вечернее богослужение окончилось в двенадцатом часу ночи при большом стечении молящихся.

В такой же, как и накануне, торжественно молитвенной обстановке прошло и литургийное богослужение. На молебен вышло 5 архиереев, 75 священнослужителей во главе с Тезоименитым Митрополитом Киевским и Галицким Иоанном.

По окончании молебна все присутствующие приветствовали Первосвятытеля.

Владыке Митрополиту были преподнесены ценные подарки: панagia, крест, художественной работы жезл и архиерейский чиновник.

После всех приветствий Его Высокопреосвящество в своем ответном слове благодарил всех за любовь и молитвенно-сердечные приветствия и просил всех молиться о нем, пребывать в искреннем союзе любви христианской и быть преданными Церкви Христовой.

По окончании торжества в церкви Владыка был встречен в своих покоях собором епископов, духовенством и митрополичьим хором, который исполнил духовной концерт.

Этот день, день сердечного единения в молитвах, любви и чувствах Первосвятытеля всея Украины со своими духовными чадами доставил радость и счастье участникам сего торжества.

**БЛАГОЧИННЫЙ 1-го ОКРУГА г. КИЕВА ПРОТОИЕРЕИ
Н. СКОРОПОСТИЖНЫЙ**

ИЗ ОРЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ

В июле месяце 1947 г. Высокопреосвященный Архиепископ Фотий поставил перед Епархиальным советом вопрос об организации краткосрочных Богословских курсов для теоретической и практической подготовки

Архиепископ Фотий со слушателями краткосрочных Богословских курсов
Орловской епархии

сельского духовенства Орловской и Брянской епархии. 29 августа с. г., с благословения Святейшего Патриарха Алексия, краткосрочные Богословские курсы были открыты торжественным молебном в кафедральном соборе. Молебен, в сослужении о. о. преподавателей и курсантов, совершил Высокопреосвященный Владыка Фотий, в своем архипастьерском слове отметивший значение открываемых курсов. Для слушателей курсов, в количестве 20 человек, были предложены уроки по следующим предметам: 1) Литургике, 2) Священной истории Ветхого Завета, 3) Священной истории Нового Завета, 4) Общей истории Христианской Церкви, 5) Истории Русской Христианской Православной Церкви, 6) Расколоведению, 7) Сектоведению, 8) Гомилетике, 9) Основному Богословию, 10) Догматическому Богословию, 11) Нравственному Богословию, 12) Сравнительному Богословию, 13) Церковному пению и 14) Конституции СССР.

Высокопреосвященный Владыка Фотий, периодически посещавший уроки, ознакомил слушателей с современным положением Православной Церкви у нас в СССР и за границей. Двухчасовая лекция его с большим интересом и неослабевающим вниманием была прослушана всем курсовым составом.

Помимо теоретических занятий, курсанты, ежедневно посещавшие вечерние и утренние богослужения, по очереди совершали их и за каждой Литургией произносили проповеди, подвергавшиеся затем подробному анализу, а иногда и совместной критике.

Курсы закончились проверочными испытаниями. На руки курсантам были выданы справки.

25 сентября Высокопреосвященный Владыка Фотий перед благодарственным молебном поздравил курсантов с завершением занятий и пожелал им дальнейших успехов на поприще служения Церкви и Родине.

В конце молебна один из курсантов в прочувственном слове от имени слушателей курсов сердечно благодарил Владыку Фотия и преподавателей за проявленную заботу о сельском пастыре.

**НАСТОЯТЕЛЬ ОРЛОВСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО
КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА ПРОТОИЕРЕЙ
Б. КОЛЕСНИКОВ**

Архиепископ Даниил со слушателями церковно-певческих курсов
Пинской епархии

ИЗ ПИНСКОЙ ЕПАРХИИ

По благословению Высокопреосвященного Даниила, архиепископа Пинского и Лунинецкого, в г. Пинске, в здании Епархиального управления, от 28 сентября по 11 октября с. г. состоялись занятия на церковно-певческих курсах для лиц, занимающих должность псаломщиков в Пинской епархии.

Целью курсов была необходимость восполнения пробелов, выявленных при проверке знаний псаломщиков.

Курсанты, в количестве 35 человек, утром и вечером имели возможность проходить практически уставные богослужения, совершаемые ежедневно в пинской соборной церкви.

Каждый курсант самостоятельно должен был провести богослужение, управляя хором, что дало возможность усвоить приемы и технику регентского дела.

Уставность богослужения побудила курсантов к знакомству с богослужебными книгами и способствовала усвоению требуемой уставом последовательности.

Одновременно с церковным уставом практически усваивались и соответствующие богослужению песнопения. На пение вообще обращено было исключительное внимание, как на предмет особой важности в церковном деле.

В дополнение к программе прочитаны были лекции и по Конституции.

Для работы дома в течение зимнего периода дана курсантам работа по теоретическому изучению тоники, Ветхого и Нового Заветов, а также Катихизиса.

СВЯЩЕННИК АЛЕКСИЙ КОРНЕЙЧУК

ИЗ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

В г. Мичуринске Тамбовской области, в центре города, открыт второй храм в честь св. пророка Божия Илии. Храм двухэтажный и построен по проекту знаменитого архитектора XVIII века Растрелли. 27 июля верхний храм Ильинской церкви был торжественно освящен Преосвященным Иоасафом, епископом Тамбовским и Мичуринским. Величественная служба Преосвященного Иоасафа, прекрасное слово, сказанное настоятелем храма о. протоиереем А. М. Лебедевым, художественное пение хора, — все это было живой и наглядной проповедью жизненности и красоты Православия, а та радость, которая светилась в глазах верующих города, в большой массе присутствовавших при освящении храма, свидетельствует о наличии в русских людях «духа жива», неоскудевающего и в наши дни. Новооткрытый храм св. пророка Илии в Мичуринске да посвидетельствует о том и в далекие грядущие годы.

ПРОТОИЕРЕИ ИОАНН КУЗЬМЕНКО

..... ОТ РЕДАКЦИИ
„ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“

РЕДАКЦИЯ ИЗВЕЩАЕТ,
ЧТО ПРОИЗВОДИТСЯ ПОДПИСКА НА
„ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“

на 1948 г.

Стоимость журнала (12 номеров) 120 рублей в год

К 1 ЯНВАРЯ 1948 г. ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ «ПРАВОСЛАВ-
НЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1948 г.». ПРЕДВАРИ-
ТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО 20 руб. ЗА ЭК-
ЗЕМПЛЯР. КРОМЕ ТОГО, ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ «СТЕННОЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1948 г.»

по 5 руб. за экземпляр.

ПОДПИСКА ОТ ЧАСТНЫХ ЛИЦ ПРИНИМАЕТСЯ
ЧЕРЕЗ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ
И РАЙОННЫХ БЛАГОЧИННЫХ

Наложенным платежом изданий редакция не высылает.

Подписную плату на все издания Московской Патриархии на-
правлять в Редакцию со следующим надписанием адреса: Москва,
34, Чистый пер., 5, для Редакции Журнала Московской Патриар-
хии.

Цена 10 руб.